СТИХОТВОРЕНІЯ

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ

ГЕРМАНА ГУГОНА

 ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

БЛАГОЧЕСТИВЫЯ ЖЕЛАНІЯ.

Переведены съ Латинскаго языка.

Надворнымъ Совѣтникомъ

Михайломъ Ильйнскимъ.

МОСКВА

Въ вольной Типографіи А. Рѣшетникова.

1795.

ПЕЧАТАНО
съ Указнаго дозволенія.

СВЯТѢЙШАГО
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѴНОДА
ЧЛЕНУ,
ВЕЛИКОМУ ГОСПОДИНУ,
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ

ПЛАТОНУ,

МИТРОПОЛИТУ

МОСКОВСКОМУ и КАЛУЖСКОМУ,
И
СВЯТО-ТРОИЦКІЯ СЕРГІЕВЫ ЛАВРЫ
СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРИТУ
МИЛОСТИВОМУ АРХИПАСТЫРЮ,

Всеусерднѣйшее приношеніе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Элегіи. *Стран.*

Въ сихъ краткихъ я строкахъ описывать ли буду
Твою прехвальну жизнь, и сдѣлаюль тѣмъ честь?
Нѣтъ... благодѣтельствъ лишь Твоихъ я не забуду.
Долгъ, помнить милость чью, хвалить жизнь въ очи, лесть.
Позволь же, Пастырь, мнѣ во знакъ благодаренья
Мой трудъ ознаменить усердіемъ къ Тебѣ!
Твои воспомянуть ко мнѣ благотворенья!
Тебѣ открывъ мой духъ, утѣшусь тѣмъ въ себѣ.
Чистѣйшій духъ, но скрытъ въ груди, томится, тужитъ.
Молчитъ, горитъ, себя безсиленъ объявить.
Но какъ возможетъ всю усердность обнаружить,
Утѣшась симъ, уста онъ нудитъ говорить.
Воззри, достойный мужъ на пѣсни здѣсь духовны!
Желанья ко Христу, вздыханія души,
Въ сихъ изложилъ стихахъ витія краснословныи!
Не столь мои слова, сколь мысль его внуши!
Я мысль его, сколь могъ, изобразить старался,
Старался, сколько могъ, и руской слогъ наблюсть.
Но то всѣхъ выше силъ, чтобъ всѣмъ я любъ казался.
Не тотъ предметъ мой былъ, но чтобъ разсѣять грусть.

Когда печаль моимЪ всѣмЪ сердцемЪ овладѣла,
Чтобъ мысль занять, облекЪ я пѣсни вЪ руской
стихЪ.
Прости мнѣ днесь, моя что муза устарѣла!
Я цѣли вЪ старости, и вЪ скорби часть достигЪ.
ДоволенЪ буду я, отецЪ, и блогодѣтель!
Естьли возлюбиши ты музу такЪ мою,
КакЪ любиши меня, сему я самЪ свидѣтель,
Тогда забывЪ тоску, сЪ весельемЪ воспою.

Михайло Ильинскій.

БЛАГОЧЕСТИВЫЯ ЖЕЛАНІЯ.

ЭЛЕГІЯ Iя.

Исчезе въ болѣзни животъ мой, и лѣта моя въ воздыханіяхъ. Псал: 30.

Нещастная звѣзда въ тотъ день межъ звѣздъ блистала,
Въ тотъ день, въ кой мать на свѣтъ произвела меня.
Нещастная звѣзда сіе мнѣ предвѣщала,
Что мнѣ щастливаго въ жизнь не увидѣть дня.
О! сколь неправо я и легковѣрно мыслилъ,
Желанна времени премѣною прельщенъ!
Стократъ я повторялъ, стократъ то время числилъ,
Что завтра буду вдругъ щастливъ я и блаженъ.
Но ахъ! надежда гдѣ? ахъ! мысли обманули!
Ни разу завтрешній мнѣ яснымъ не былъ день!
Но изо всѣхъ тѣхъ дней, что протекли, минули,
Послѣдній для меня всегда былъ чорна тѣнь.
Премѣнѣ щастія я въ жизни быти вѣрилъ,
Что радость и печаль другъ за другомъ идутъ.
Сіе теченьемъ я планетъ небесныхъ мѣрилъ,
Какъ ночь и день всегда порядочно текутъ.
Какъ Фебъ, прогнавши міракъ, ты, Фебъ, веселья полный!
По нощи ясный день выводишъ за собой!
Какъ ты, луна, съ бреговъ бѣгущи въ море волны,
Ты возвращаеши воспять на брегъ морской;

Такъ будущихъ я дѣлъ былъ предвѣщатель ложный.
Я мнилъ, что въ свѣтѣ все, уставъ, порядокъ, чинъ,
Желанью моему согласоваться должны.
Но непроникла мысль моя во связь причинъ.
И такъ печаль моя не равна, но лютѣйша
Печали той жены, что горьки слезы льетъ,
Лишившись смертїю супруга къ ней нежнѣйша.
Сїя, что скрылся сей во гробъ любви предметъ,
Въ знакъ горести своей облекшись въ ризу черну
Сидитъ чрезъ цѣлый годъ въ дому своемъ стеня.
Потомъ оставитъ всю печаль свою безмѣрну,
Одежду мрачную на свѣтлу премѣня.
Но мнѣ протекъ ли годъ одинъ безъ слезъ, безъ стону?
Прошелъ ли мѣсяцъ, иль и день одинъ безъ тучь?
Каку вздыханїямъ моимъ я зрѣлъ препону?
Чтобъ скорби дать конецъ, какой блеснулъ мнѣ лучь?
Печаль раждается какъ гидра преужасна,
Всякъ день раждается, всякъ часъ стремясь напасть.
Въ слезахъ, во вздохахъ жизнь кончается нещастна.
И жизнь. малѣйшая есть самой жизни часть
Хоть бурный море вѣтръ нерѣдко возмущаетъ,
Но буря чемъ силнѣй, скорѣе престаетъ.
Хоть хладная зима со древъ листки срываетъ,
Но возвращаетъ имъ весна зеленый цвѣтъ.
Полночный вѣтръ хотя раждаетъ вихри, бури,
Несетъ на землю дождь изъ мрачныхъ облаковъ;
Но какъ въ безоблачной явится Фебъ лазури,
Тогда прекрасный день возсїяваетъ вновь.
Но мнѣ единый плачь все время занимаетъ,
Мнѣ ночь, и мрачна тьма является во дни.
Печальна пѣснь и въ день торжествъ не умолкаетъ.
Вопить, плескать, рыдать забавы мнѣ одни.
Мнѣ гусли грудь моя, мнѣ жалобы органы,
Я съ сей музыкой дни и ночи просижу.
Струнами сими, мнѣ судьбою начертанны,
Я въ жизни сей часы и время провожу.

Сколькратно вздохами вдругъ вопли прерывались!
Какъ я хотѣлъ ихъ скрыть въ сердечной глубинѣ,
Сколь кратъ, какъ начались, дни плачемъ скончевались!
Сколь кратъ въ слезахъ провелъ я ночи при лунѣ!
Я помню, какъ друзья претили сокрушаться.
И сколь великъ былъ трудъ меня имъ увѣщать!
Совѣтовали мнѣ веселïямъ предаться.
И я непреминулъ веселью волю дать.
Но противъ вздоховъ лишъ вооружилъ я смѣхи,
Тутъ вздохи вырвавшись шумятъ, и смѣхъ изчезъ.
Хочули ночь провесть во снѣ я безъ помѣхи,
Но тучами безъ сна лишь обливаюсь слезъ.
Я вздумаюль когда прервать плачевны стоны,
И слезы удержать на долго, укрѣпясь,
Вдругъ слезы какъ рѣка, разторгнувъ всѣ препоны;
Чрезъ щоки, чрезъ уста, чрезъ грудь текутъ стремясь.
Свидѣтели лѣса, пещеры и потоки.
Гдѣ я ходилъ, стоялъ, садился и лежалъ.
Вы зрѣли, какъ стеналъ, и стоны тѣ жестоки
Я силился здержать, молчалъ, и вновь рыдалъ.
Моими воплями и эхо преклоненно,
Рыдати слышалось, вопить со мной равно.
Стенали оба мы, вздыхали попремѣнно.
То плакалъ я стеня, то плакало оно.
Какъ стонетъ горлица, супруга что лишенна
Сидя на вѣтвïяхъ густыхъ древесъ въ тѣни.
Такъ злая участь мнѣ судьбою обреченна,
чтобъ въ жизни всѣ моей текли нещастны дни.
Чтобъ глазъ не осушалъ, чтобъ былъ я вѣкъ въ печалѣ.
Чтобъ къ плачу были мнѣ притчины каждой часъ.
Но первый гласъ былъ вздохъ мнѣ жизни при началѣ,
Да будетъ тотъ же вздохъ послѣднïй жизни гласъ!

ЭЛЕГІЯ 2я.

Или не мало есть время жизни моея, остави мене почити мало, прежде даже отъиду, отъ нюду же не возвращуся въ землю темну и мрачну. Іов: Гл. 10. Стихъ 20.

Какая въ томъ, молю, корысть мнѣ и отрада,
Что нѣсколько дней мой еще продлится вѣкъ?
О коль! велика бы была сія награда,
Коль многи вѣки бы прожить могъ человѣкъ!
Но, ахъ! сколь нашъ поставъ влечетъ нить крашку, шлѣнну!
Нить жизни нашей, что прерваться можетъ въ мигъ!
Какую же, скажи, поставить жизни цѣну,
Составленной изъ сихъ не многихъ дней и злыхъ?
Младенецъ лишъ родясь, и тотчасъ умирая,
Назваться можетъ старъ, что жизнь уже претекъ.
Такъ нѣкимъ червячкамъ жизнь суждена такая,
Что составляетъ день одинъ ихъ краткой вѣкъ.
Такъ нѣкій цвѣтъ свою часами жизнь щитаетъ,
И въ день рожденія ужъ долженъ умереть.
Онъ утромъ есть дитя, а въ полдень возмужаетъ,
Но къ вечеру уже имѣетъ остарѣть.
Такъ солнце, цвѣтъ, тебя однажды облистало!
Ты выросъ, цвѣлъ, увялъ, въ одинъ день жизни всей!
О! естьлибъ коло дней столь скоро течь престало!
И естьли бы часы непудили коней,
Кричалибъ червячки: мы долго жили въ свѣтѣ,
И я сколь долго росъ, сказалъ бы тожъ цвѣтокъ.
Но, ахъ! сколь время все быстро въ своемъ полетѣ!
И легкій годъ течетъ, рѣки какъ быстрый токъ!
И круги мѣсяцовъ бѣгутъ гоними фебомъ,
Бѣгутъ быстро и дни. Кто можетъ ихъ здержать?
Катится колесо часовъ пространнымъ небомъ.
Какъ часъ уже протекъ, невозвратится вспять.
Сколь злобно время есть! оно себя рветъ въ части.
Уходитъ отъ себя, и паки въ слѣдъ течетъ.

Какъ свѣчка, что себя огня подвержетъ власти,
Сама себя къ своей погибели влечетъ.
Такъ быстрыхъ кругъ вѣковъ въ свой паки кругъ приходитъ,
Доходитъ въ колесѣ до тойже точки годъ.
Не просто древность намъ такую баснь приводитъ,
Что будто бы какой отецъ снѣдалъ свой плодъ.
То вѣчность мѣсяцы и годы пожираетъ.
Родясь въ теченіи, и гибнетъ и летитъ.
Часы снѣдаетъ день, дни мѣсяцъ поглощаетъ.
Двенатцать лунъ живъ годъ, не можетъ болѣ жить.
Годъ згибъ, и мѣсяцы, часы, дни пробѣжали.
Но паки времена въ свой придутъ стройный кругъ.
Позволь же, Боже, мнѣ, дай время для печали!
Чтобъ могъ судьбу мою оплакати мой духъ!
На смѣхи время то, на игры нейстрачу.
Нѣтъ мѣста смѣхамъ здѣсь, не то мнѣ на умѣ.
Для слезъ я времени прошу себѣ, для плачу.
Въ семъ маломъ часикѣ та только нужда мнѣ.
Теките слезы днесь, потоками теките!
Моихъ вы будьте мнѣ источниковъ ручьи!
Свирѣпы руки, вы лице и грудь разите!
Покройте слезы весь зракъ и уста мои!
Что медлите! и се! часы текутъ поспѣшно!
Но чувствую уже, се! слезы полились!
Слеза бьетъ за слезой! я плачу не утѣшно.
Довольно плакалъ я. Ты токъ остановись!

ЭЛЕГІЯ 3 я.

Помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь, исцѣли мя, Господи, яко смятошася кости моя. Псал: 6.

Вопить мнѣ, иль молчать? но духъ мой огорченный.
Правдивы жалобы находитъ среди мукъ.
Я могъ ли ждать того, чтобъ былъ тобой презрѣнный?
Ахъ! помощи лишенъ я отъ врачебныхъ рукъ!
Сіель твои слова со клятвой подтверждали?
Тебя ли днесь бѣда не трогаетъ моя?
Что медлишъ? и каки причины удержали?
Забвенъ ли у тебя быть могъ нещастный я?
Моя надежда ты! кромѣ тебя къ спасенью
Нѣтъ лучша немощнымъ другаго божества.
Мелампъ и Подалиръ, и Хиронъ къ излеченью
Давали моему всѣ травы врачевства.
Возслѣдствуемъ врачей Махаонъ былъ толпою,
Носящихъ тѣхъ врачей лишъ имена однѣ.
Лишъ всѣхъ врача тебя незрѣлъ я предъ собою.
Ты послѣ всѣхъ пришелъ Гиппократовъ ко мнѣ.
Моя надежда ты! больнымъ ли ко спасенью
Есть лучшій врачь тебя, есть лучшель божество?
Меняль ты могъ предать нещастнаго забвенью?
Всѣ зрѣли моея болѣзни существо.
Смотрѣли на языкъ, на цвѣтъ поблекшій зрака,
Касалися рукой біенья жилъ моихъ.
Рекли, что краски нѣтъ нѣтъ жизненнаго знака.
Что въ жилахъ пульсъ не живъ, не равенъ, скоръ и тихъ.
Но больше всѣхъ врачей я самъ то ощущаю.
Нѣтъ здравья у меня, искуства у врачей.
Чегожъ, лишась врачей, чего я ожидаю,
Когда болѣзнь моя есть всѣхъ врачевствъ сильнѣй?
Зараза томная чрезъ всѣ стремится жилы,
Тоска проходитъ внутрь костей, и внутрь мозговъ.

Главы держать плеча ужъ неимѣетъ силы.
Лишъ оживляетъ спиртъ въ натертыхъ жилахъ кровь,
Душа моя въ одной ужъ части лишъ дыхаетъ,
Ужъ смертный одръ готовъ составить мнѣ обрядъ.
Болѣзни ли мои узнать кто пожелаетъ,
Желаетъ то вотще, пусть числитъ ихъ сто кратъ.
Се жизнь! се! дѣлъ моихъ видъ жалкій представляю!
Вотще, кто помощь мнѣ восхощетъ дать, любя.
Узнаешъ ли меня, я друга вопрошаю?
Походитъ ли лице мое ужъ на себя?
Глаза мои въ чело далеко углубились,
Ланиты алыя се! блѣдностью покрылись!
Чія рука злой вредъ сей отвратить могла,
Чтобъ мой проказа зракъ съ главой не облекла?
Я вспомнюль ночи, что провелъ безъ сна съ тоскою?
Откроюль раны, что трепещутъ рукъ врача,
Неизлѣчимыя врачебною травою?
Глубоки раны, какъ отъ варварска меча?
Тѣ раны, что мою всю внутренность снѣдаютъ,
Незатворимыя врача искуствомъ рукъ.
Пороки то мои, что духъ мой уязвляютъ.
То язвы суть, моей души причина мукъ,
Внутрь Ѵдропсъ лютая мнѣ чрево надымаетъ.
Внѣ скука томна дѣлъ моихъ вспящаетъ вервь.
Кичливость вѣтренна весь стомахъ разрываетъ.
И сластолюбный грудь мою терзаетъ червь.
Я открывалъ врачамъ болѣзни толь жестоки,
Но тщетенъ трудъ мой былъ, вотще старанье ихъ.
Ты зналъ ли исцѣлить, всѣхъ знающій травъ соки,
Ты зналъ ли, Эпидавръ, единый врачь больныхъ?
Что, хиронъ. власть твоя составомъ травъ явила?
Что могъ ты, Аполлонъ, собора вождь врачей?
Искуство превзошла моей болѣзни сила.
Нѣтъ силы соковъ здѣсь, цахучихъ травъ, мастей.
Къ комужъ простру мой взоръ во время сей напасти?
Не къ обстоимуль силъ отъ горнихъ олтарю?

О! жители небесъ! гдѣ смерть лишенна власти!
Простру мой взоръ туда! прибѣгну ко царю!
Моя надежда ты! десницу ту лобзаю,
Ты Богъ, когожъ себѣ я въ помощь призову?
Кто столь на помощь скоръ, какую ощущаю?
Я мертвъ почти ужъ былъ, тобою оживу!
Кто здравъ, благоцвѣтущъ, врача не призываетъ.
Врачевствъ же ищетъ, кто болѣзньми изможденъ.
Мой страждетъ въ тѣлѣ духъ, отъ ранъ изнемогаетъ.
Онъ тысящію язвъ, болѣзней пораженъ.
Но чтобъ онъ исцѣлѣлъ, яви твои ты силы!
Я тотъ есмь, что лежу Солимскихъ средь полей,
Меня разбойники лютѣйши поразили.
Лежу пронзенъ отъ ихъ я тысящи мечей.
Но ты, Самарянинъ, Самарянинъ кротчайшій!
Возлѣй вино, Елей и раны обяжи!
Тѣ раны, дали что мнѣ руки жесточайши.
Ты милость паче всѣхъ прохожихъ покажи!
Левитъ мимоходя не канулъ мнѣ Елею.
Ты влагу на меня врачебную возлей!
Согрѣюсь, оживу, и паки исцѣлѣю,
Отъ благодатныя, Христе, росы твоей!

Элегія 4 я,

Влеки мя за собою, въ воню масти твоея потечемъ. Пѣсн: Пѣсн: Гл: 1.

Се! зри! какъ я безъ силъ, безъ чувствъ, едва дыхаю!
Таковъ ли прежде былъ? теперь я тѣнь одна.
Едва влеку ту жизнь, котору презираю.
Мнѣ члены слабыя одни суть бремена.
Едва держать могу я выю подъ главою,
Въ рукахъ, въ ногахъ моихъ лишь тяжесть нахожу.
Метая всюду ихъ, ищу себѣ покою.
Вездѣ имъ мѣста нѣтъ, какъ ихъ ни положу.

То встать съ одра хочу, то паки я ложуся.
То томну голову я поддержу рукой.
То внизъ лицемъ лежу, то вверхъ я превращуся.
И съ боку праваго ложуся на другой.
Такъ ложе испытавъ, въ тоскѣ, безъ чувствъ безъ силы,
Нигдѣ я мѣста тамъ спокойна несыщу.
Не сносенъ самъ себѣ, лежащъ, не спящъ, унылый.
Что я зачну, къ кому я очи обращу?
Хощу съ тобой тещи, но силъ не ощущаю.
Ты прочь бѣжишь, меня оставя на пути.
Хоть чуть дышу, однакъ тебѣ въ слѣдъ поспѣшаю.
Но ты не медлишь, чтобъ я могъ къ тебѣ дойти.
Такъ воинъ раненый лежитъ презрѣнъ въ пустынѣ,
Презрѣнъ отъ воинства, гонимаго врагомъ.
Такъ мать дитя свое, мать предаетъ судьбинѣ.
Повергнуть на пути принуждена стыдомъ.
Простри десницу мнѣ, отецъ чадолюбивый!
Моей напастью ты, бѣдою преклонись!
Се! возвратился сынъ имѣнье изгубивый!
Простри ему длань, иль пожди, остановись!
Какъ Трою окружалъ отъ Грековъ огнь зажженну,
Тутъ старца сынъ отца, восхитилъ изъ огня.
Се! цапля за море несетъ мать утружденну,
Се! мать пловя несетъ безсильнаго ольня.
А ты бѣжишь меня въ пустынѣ оставляя.
Нехочешь взять меня какъ бремя на плещи.
Хоть бременемъ тебя я быти нежелая,
Я самъ пойду. Коснись и двигнись лишь влещи!
Пойду, я полечу, подобно дуновенью.
Легчайша вѣтра, хоть лежу, унылъ, презрѣнъ.
Не нужны къ моему тутъ силы понужденью.
Охотно самъ пойду, ничемъ не привлеченъ.
Бистонскаго пѣвца меня не движетъ пѣнье,
Меня не увлечетъ Аонской лиры гласъ.
Плѣняютъ каждаго свой вкусъ и вожделѣнье.
То взоръ, то слухи всѣхъ влекутся въ слѣдъ заразъ.

Мой слухЪ и очи всѣ тщеты не увлекаютЪ.
Мой слабый ищетЪ духЪ пахучихЪ ароматЪ.
О! свѣте мой! твои власы благоухаютЪ.
Главу твою дожди премудрости кропятЪ.
СолимскимЪ нардомЪ, се! намащены ланиты!
ОтЪ устЪ твоихЪ роса, какЪ мирра каплетЪ сЪ лозЪ.
Дыханія твои исполнь вони маститы!
ИзЪ устЪ колико словЪ, толико мещетЪ розЪ!
Панхейска льется масть сЪ твоей бѣлѣйшей выи.
АссирскимЪ ОниксомЪ намащены плещи.
И руки се! исполнь сладчайшей Амброзіи!
ИзЪ перстовЪ зрится сокЪ ЛивійскихЪ травЪ тещи.
Се! сколько есть мастей пахучихЪ Аравійскихъ,
Любезный мой ліетЪ пріятнѣй всѣхЪ балсамЪ,
БалсамЪ, что каплетЪ сЪ древЪ и вѣтвій Ассирійскихъ,
ВЪ СабейскихЪ что лѣсахЪ родится ѳиміамЪ.
Сей мой любезный власЪ сладчай благоухаетЪ
ТѣхЪ соковЪ, что текутЪ сЪ Оронтскія лозы,
Сей власЪ пріятнѣйши мнѣ капли источаетЪ,
СЪ ПанхейскихЪ каплющихЪ древесЪ чистѣй слезы.
ТакихЪ исполнилЪ домЪ, гдѣ дѣва пребывала,
ТакихЪ ЕссеевЪ цвѣтЪ небесныхЪ ароматЪ.
ТакЪ небожителей созданный изЪ кристалла.
Небесная вонь весь наполняетЪ градЪ.
О! естьлибЪ ту воню хоть разЪ мнѣ обоняти!
То сколь душа моя слаба бы ни была,
ВосталабЪ, ожила, отЪ оной благодати,
ВоставЪ не медля бы сЪ тобою потекла
ЕгдажЪ бы потекла, тогда бы окруженна
ОтЪ ревностныхЪ подругЪ, велабЪ ихЪ за собой.
Подобно какЪ когда дѣвица намащенна,
БѣжитЪ окружена подругЪ своихЪ толпой.

ЭЛЕГІЯ 5я.

Языкъ погубивый совѣтъ есть, и нѣсть въ нихъ художества, несмыслиша разумѣти: сія вся да пріимутъ во грядущее лѣто. второзак: Глава: 32.

Ахъ! стыдъ! какой нашъ умъ объятъ есть слѣпотою!
Что онъ о будущихъ не мыслитъ, и не зритъ.
Что видитъ явны лишь напасти предъ собою,
А впредь быть ни какимъ опасностямъ не мнитъ.
Толь мудрость, чтобъ имѣть о зримыхъ попеченье?
Объ отстоящихъ же далече не брещи?
Оружье воинъ впредь готовитъ на сраженье,
Дабы на трубный гласъ, взявъ то во полкъ тещи.
Карабленикъ плововя погоду предвѣщаетъ,
И судно якорю не хочетъ повѣрять
Крестьянинъ семена днесь въ землю повергаетъ,
Чтобъ лѣтомъ будущимъ онъ жатву могъ собрать.
Боясь старости и муравей тщаливый,
Сбираетъ въ ямины по зерну сѣмена,
Но ты, о! смертныхъ родъ! о! родъ не смотрѣливый!
Ни мало не предзришь грядущи времена!
Влекутъ всегда судьбы въ стальныхъ поставахъ нити,
И могутъ ли они престать вращати кругъ?
И можетъ ли кто сестръ къ себѣ сихъ преклонити?
Хотя одна щадитъ, друга рветъ нити вдругъ.
Судьбой союзы тѣ прекрѣпко утвержденны,
Что жизнь и смерть хранятъ согласье межъ собой.
Ты мнишь союзы тѣ къ тебѣ быть преклоненны?
Но нѣтъ, и смерть и жизнь невѣрны предъ тобой.
Полижутъ напередъ и снѣгъ и ледъ пожары,
Поставитъ вѣтръ союзъ съ водами средъ валовъ.
День съ ночью миръ возмутъ, оставя прежни свары.
Возляжетъ агнецъ здесь свирѣпыхъ межъ волковъ,
Естьли косою все смерть не повергнетъ яра.
Все, что подъ солнцемъ, все не щадно не ссѣчетъ.

Никто не угонзнулъ косы ея удара
Все отъ руки ея сраженное падетъ.
Тамъ похищаетъ чадъ отъ матерней утробы,
Иль превращаетъ въ гробъ младенцевъ колыбель.
Тамъ юношей, дѣвицъ, смерть повергаетъ въ гробы,
И старыхъ и младыхъ равно беретъ отсель.
Смерть умирающихъ ничемъ не различаетъ.
И вождь и воинъ, всѣ въ однихъ лежатъ гробахъ.
Се! твой, о! Крезъ! Се! трупъ ужъ златомъ неблистаетъ!
Ужель прекрасенъ днесь и твой Ревекка, прахъ?
Зри, цесаревъ чемъ прахъ отъ Ірова отмѣнный?
У всѣхъ одинъ есть цвѣтъ, у всѣхъ воня одна.
Чтожъ пользы уповать на вещи въ свѣтѣ тлѣнны?
Какъ будтобъ смерти жизнь во власть не предана.
Назначенъ всѣмъ свой день, какъ жизни нить свершится.
Всякъ долженъ въ гробъ сойти скорѣй или позднѣй.
Всякъ чинъ, великъ и малъ тамъ долженъ поселиться.
Всѣ пойдемъ мы, исполнь какъ будетъ мѣра дней.
Но естьлибъ послѣ сей мы смерти жить престали,
Тобъ смерть нещастіемъ назваться не могла,
Коль насъ бы чрезъ сіе не трогали печали,
Которыбъ нова смерть, иль жизнь намъ навела.
Такъ съ радостію всякъ къ концу бы приближался,
И жить бы болѣе никто не захотѣлъ.
Но, ахъ! бѣда, что кто здѣсь съ жизнію разстался,
Тому смерть жизни сей еще неесть предѣлъ.
Смерть есть веть не души конецъ, а только тѣла.
Душа какъ излетитъ изъ тлѣнной плоти сей,
Какъ пренесется выспрь отъ здѣшняго предѣла,
Предстанетъ тотчасъ тамъ предъ страшнымъ судіей.
Хотя онъ милосердъ, но есть и правосудный.
Онъ тайны сердца всѣ, всѣ внутренности зритъ.
Что здѣлано въ ночи, всѣ зритъ дѣянья студны.
Душа обличена свой грѣхъ не утаитъ.
О! судія! о! судъ! се! къ вамъ душа предстала!
И чья бы нынѣ мысль предметъ представя сей,

Чьябъ мысль не содроглась, и не вострепетала?
Но сей ли есть конецъ напастей и скорбей?
Другая жизнь еще, другая намъ осталась.
Жизнь въ некончаемы ужъ вѣки поточетъ.
Смерть чтобы смертію еще ужъ нескончалась,
То никогда ужъ дней своихъ не пресѣчетъ.
Коликихъ, ахъ! сія исполненна томленій!
Но, о! коликихъ жизнь веселій и отрадъ!
Жизнь будетъ внѣ скорбей, внѣ всякихъ злоключеній.
Смерть повлечетъ всѣ зла, сколь ихъ вмѣщаетъ адъ.
О! жизнь блаженная! колико ты прекрасна!
Исполненна торжествъ, веселій, дней благихъ!
О! смерть нещастная! колико ты ужасна!
Исполненна скорбей, печальныхъ дней и злыхъ!
О! смертныхъ родъ! симъ двумъ вещамъ столь несогласнымъ,
Потщись, чтобъ быть твоихъ предмѣтами заботъ!
Потщись, чтобъ быть тебѣ той жизни въ вѣкъ участнымъ!
А смерти угонзнуть, потщись, о! смертныхъ родъ!

ЭЛЕГІЯ 6я.

Пригвозди страху твоему плоти моя, отъ судебъ бо твоихъ убояхся. Псал: 118.

Послушайте, чему вся древность научала
Младыхъ дѣтей своихъ, вперяя въ ихъ умахъ
Словъ азбучныхъ сперьва не инныя начала,
Какъ, чтобъ познати имъ во первыхъ Божій страхъ.
Вотще о истинной тѣ мудрости пекутся,
Коль Божій страхъ не есть началомъ тщанья ихъ.
Давидовъ сынъ? твои слова неложны чтутся.
Достигнуть мудрости прямой нѣтъ средствъ другихъ.
И мы во юности семужъ всегда учились.
Боящися небесъ училися умы.
Но, ахъ! коликой тьмой глаза у насъ покрылись,
Стократно слушая, Аза незнаемъ мы.

Такая лѣность въ насъ достойна ли прощенья?
Пропало время все, потеряны труды.
И жаль, что требуетъ путъ лѣность понужденья,
Прилѣжность гдѣ трудомъ малѣйшимъ жнетъ плоды.
Почто мы въ памяти сїе не впечатлѣемъ,
Чему во юности навыкли мы давно?
Безъ помощи другихъ мы многое умѣемъ,
Почтоже слова, страхъ, не затвердимъ равно.
Ахъ стыдъ! боюсь того, что должно быть презрѣнно!
Но не страшусь, что страхъ влечетъ души моей.
Я солѣзаю грѣхъ отъ смертныхъ сокровенно,
Но нестрашусь грѣшить всевидящихъ очей.
Чтобы разбойники меня не поразили.
Съ опасностью стрегу того, не спя въ нощи.
Но злѣйши чтобъ враги души не погубили,
Того я не боюсь, и не хощу стрещи.
Такъ врабїя одна лишь чучела пугаетъ,
Но должно бы ему бояться больше силковъ.
Елень отъ легкаго крыла вдругъ убѣгаетъ,
Не знавъ, что улучитъ на стаю ловчихъ псовъ.
Такъ левъ, Ливїйскихъ страхъ песковъ впадаетъ въ сѣти,
Какъ онъ бѣжитъ безъ чувствъ, боясь зажженныхъ кучь.
Закъ тьмой покрыта мысль не можетъ свѣта зрѣти.
Ей не ужасенъ громъ, лишь малый страшенъ лучь.
Весь презираетъ страхъ, и всю ужасность ада.
Геэнскїй пламень ей лишь ложна мнится баснь.
Отвергшей же ей страхъ, грѣхъ кажется прохлада.
Но самый грѣхъ потомъ ей тяжка будетъ казнь.
Всѣ сдѣлавши ужъ грѣхъ бояться начинаютъ.
Хоть прежде страхъ отнюдь не поражалъ сердецъ.
Тутъ ужасъ, хладный потъ, ихъ мысли проницаютъ.
Предъ взоръ ихъ предстаетъ разгнѣванный творецъ.
Внезапный страхъ съ одра безъчувствъ такихъ свергаетъ.
И образъ собственный ихъ устрашаетъ взоръ.
Малѣйшимъ шумомъ мышь ихъ подъ одромъ пугаетъ.
Имъ мнится, что то левъ выходитъ къ нимъ изъ норъ

Лишь зашумят древа колеблемы от вѣтра,
У них вздымаются всѣ дыбом волоса.
Чтож дѣлать им, когда из облачнаго нѣдра,
Иль молнія блеснет, иль грянут небеса?
Трепещет их душа от сих небесс явленій,
Им мнится, что сей огнь их хочет сожещи.
Тогда страшит их вѣтр, тогда пугают тѣни.
Всѣ знаки кажутся погибель им влещи.
Тревожит мысли их и тишина нощная,
Что в рощах царствует, в лѣсах, в лугах, в долах,
Смятенна мысль себя виновну ощущая,
Страх носит на челѣ, в лицѣ, в очах в устах.
Се! сколько казней сим дает их дѣл свидѣтель!
Свидѣтель совѣсть их, всѣх правяща душей.
Душа их собственных мученій есть содѣтель,
Готовит тысящу сама себѣ бичей.
Смущенну цесарю, ах! сколько раз являлись
Убитых души им, являлись сколь ярясь!
Ах! сколько раз поля Фарсальски представлялись!
Гдѣ кровь сражавшихся потоками лилась.
Орест! ты за отца, о! ты, свирѣпый мститель!
Сколь мучат фурій тебя и ночь и день!
Убитой матери тобой нещастный зритель!
Как зрѣл ты за всегда ея живую тѣнь!
Виновным нѣт душам, нѣт толь жестокой муки,
Как дѣл своих имѣть свидѣтеля в груди.
О! боже мой! к тебѣ простру я мысль и руки!
Ты к страху твоему мысль с сердцем пригвозди!
Дабы я негрѣшил, и в буйствѣ не стремился,
К сему за временно потребен сей остен.
Страх может удержать, чтоб в грѣх кто непустился,
Но позден страх, кто сим послѣ грѣха унзен.

ЭЛЕГІЯ 7я.

Возлюби душа моя возжелати судьбы твоя. Псал. 118.

Стоя межъ двухъ любвей сомнѣніемъ терзаюсь,
Любовь земная здѣсь, небесна тамъ зоветъ,
Сія зоветъ подъ власть, той вольностью прельщаюсь.
Не знаю, коего вождя итти мнѣ въ слѣдъ!
Но межъ собой вожди различнымъ свойствомъ споря,
Влекутъ къ себѣ меня, и возвращаютъ вспять
Какъ судно чье отъ волнъ колеблемо средь моря,
Не можетъ далѣ плыть, никъ берегу приставть.
Сомнителенъ вашъ споръ, сомнительны сраженья!
Вы воспящаете желаній мнѣ успѣхъ.
Довольно я терпѣлъ отъ двухъ любвей томленья.
Пора ужъ мнѣ теперь достичь желаній брегъ.
Или я никакой любовью не пленюся,
Иль всю любовь къ тебѣ, о! боже! обращу!
Желаннаго желать намъ лѣстно, признаюся,
Мочи сказать, хощу, сказать иль, не хощу.
Препятствъ нѣтъ никакихъ необузданной волѣ.
Свободнымъ прихотямъ не сносенъ есть законъ.
Какъ стрясши конь узду, стремится яро въ поле,
Желанну пажить, чтобъ сыскати безъ препонъ.
Иль какъ волъ изъ хлева съ веселіемъ уходитъ,
Пасется на травѣ, оставивши яремъ.
Но какъ крестьянинъ ихъ ко плугу вспять приводитъ,
Къ ярму принудить ихъ не можетъ ужъ ничемъ.
Такъ, всѣ желаютъ лишь своимъ желаньямъ власти.
Свобода всѣмъ мила, хоть нѣтъ и пользы въ ней.
Такъ, Фаэтонъ! незнавъ нещастія ниспасти.
Желаешь правити, возсѣдъ, чужихъ коней!
Такъ Ікаръ къ небесамъ взвиваяся крилами
Падешь оттоль стремглавъ, чтобъ ты въ рѣкѣ погрязъ!
Мы слухи тягостимъ всевышняго мольбами.
Дивятся, чаю, тамъ зря жители на насъ.

Желаетъ сей жены, другой въ тотъ свѣтъ отправить.
Сей проситъ себѣ чадъ, тотъ имъ готовитъ гробъ.
Сей смерти ждетъ отцу, тотъ молитъ жизнь пробавить.
Тотъ хощетъ быть младымъ, другой же морщитъ лобъ.
По мню, едвали изъ всѣхъ кто въ мнѣньяхъ не разнится,
И даже многіе разгласны и съ собой.
Незнаютъ и того, о чемъ имъ долгъ молиться.
Желанья новы въ нихъ, мольба ихъ за мольбой.
Какъ прихоти уженъ чреватыхъ часто дивны,
Что пища странная ихъ насыщаетъ страсть.
Имъ вкусны кажутся, что ѣствы всѣмъ противны.
Они и въ извѣсти, въ мѣлу находятъ сласть.
Почтожъ тревожатъ духъ мой тщетныя желанья?
Почто стремлю сей жаръ, надежду, безъ мѣты?
Пусть удалятся всѣ мольбы и воздыханья!
Сомнѣнья, страхи прочь, исполненны тщеты!
Пусть прихоть вся во мнѣ съ надеждой прекратится!
Я болѣе ужъ имъ входъ въ сердце запрещу.
Оно иль никакой любовью не плѣнится,
Иль всю любовь, къ тебѣ, о! Боже, обращу!

ЭЛЕГІЯ 8я.

Да исправятся путіе мои, сохранити оправданія твоя. Псал. 118.

Въ исполненномъ пути толикихъ заблужденій,
Гдѣ множество лежитъ обманчивыхъ стезей,
Куда я обращусь среди сихъ затрудненій?
Потой ли мнѣ итти стезѣ, или по сей?
Тамъ путь на лѣво есть, а здѣсь лежитъ на десно.
Сей путь ведетъ на холмъ, а тотъ низводитъ въ долъ.
По оному итти удобно и прелестно,
А сей обманчивъ путь, строптивъ, исполненъ золъ.
Здѣсь видны хитрости, а тамъ они закрыты.
Куда сей путь лежитъ, къ какой ведетъ странѣ?

Стези его вездѣ кривизнами извиты.
Нѣтъ выходу, конца узрѣть не можно мнѣ.
Не столь Геркуловъ путь, двумя идущъ стезями.
Куда ему тещи, сомнѣнье могъ навлечь.
Не такъ извитъ Меандръ кривыми тамъ струями,
Тдѣ вкругъ вïясь струя струѣ течетъ навстрѣчь.
Не столь и лабиринтъ строеньемъ хитрымъ славный,
Кривые ходы внутрь пещерныхъ нѣдръ скрывалъ.
Симъ хитростямъ мои препятства суть не равны.
Межь двухъ я не удобствъ, межъ двухъ препятствïй сталъ.
Не только предлежатъ мнѣ тысяча распутïй,
Отъ коихъ тысячи являются стезей.
Сколь должно тамъ кривизнъ, округовъ преминути?
Къ томужъ ночь мрачная отъемлетъ свѣтъ очей.
Путь не ознаменёнъ людскими тамъ слѣдами.
Никто ходя по немъ тропинъ не проложилъ.
Я хоть попавшее ощупывалъ руками,
Хоть камней и земли я груды обходилъ.
Но лишь дерзнулъ было я въ оный путь пуститься,
Какъ удержали тутъ обманъ и мрачна тѣнь.
Прохожïи такъ въ странѣ незнаемой крушится,
Какъ тучи тамъ взойдутъ, скрывая ясный день.
И звѣзды на небѣ не разгоняютъ мрака,
Невидно тамъ жилищъ ниблизко ни вдали.
Невидно и слѣдовъ людей ходящихъ знака,
Ниже тропинъ отъ ногъ пробитыхъ по земли.
Лѣсали здѣсь предъ нимъ, иль рѣки тамъ, незнаетъ,
Естьли ему итти намѣренным путемъ
Къ молчащимъ тутъ полямъ онъ гласъ свой простираетъ,
Чтобъ кто блудящему могъ быть ему вождемъ.
Онъ повторяетъ гласъ, взываетъ многократно,
Чтобы услышалъ кто пастушьихъ изъ хлѣвовъ.
Но гласъ теряется въ воздухѣ не возвратно,
Не слышно ни отколь отзывныхъ голосовъ.
Ктожъ будетъ мнѣ вождемъ въ напастяхъ обстоящихъ?
Какой бы Богъ мнѣ свѣтъ во тмѣ сей предносилъ?

Въ пустыняхъ нѣкогда Израилтянъ блудящихъ,
Въ незнаемомъ пути столпъ свѣтлый предводилъ.
Звѣзда волхвовъ вела ко Виѳлїемску граду,
Чтобъ дарами почтить рожденнаго царя.
Пловущимъ двѣ звѣзды каку даютъ отраду?
Безъ страха ужъ пловутъ, опасности не зря.
Я заблудилъ въ пути, ты будь мнѣ предводитель!
О! боже! дай мнѣ вервь, пойду тебѣ я въ слѣдъ.
Я маркомъ окруженъ, ты буди мнѣ спаситель!
Блесни, я потеку, какъ твой узрю лишь свѣтъ!
Се! зри, коликъ народъ въ пустыняхъ заблуждаетъ!
Несется всякъ, куда ихъ слѣпота стремитъ.
Незная сей стремнинъ, стремглавъ съ нихъ упадаетъ.
Въ кривизнахъ тотъ бродя, и выходу не зритъ.
Сей скоро въ путь течетъ, тотъ тихими шагами,
Сей то спѣшитъ впередъ, то паки вспять идетъ.
Тотъ слѣдуетъ одинъ, а сей собщась съ другами.
Тотъ самъ себя въ обманъ, сего же другъ влечетъ.
Сей непрестая вертится коловратно.
Не прямо тотъ идетъ, но по кривой чертѣ.
Ошибшись сей въ пути, взялъ шествїе обратно
Хоть думалъ скоро онъ достигнути къ метѣ.
Въ обманчивый сей путь бѣгутъ всѣ вдругъ толпою.
Но прямый путь найти эдвали кто возмогъ.
Ахъ! пусть стезя моя прямой идетъ чертою!
Ничто да не преткнетъ моихъ текущихъ ногъ!
Подобно какъ стрѣла изъ лука напряженна,
Пущенная летитъ ко цѣли безъ препонъ;
Такъ да стремится мысль моя не преткновенна!
Куда стремиться ей велитъ лишь твой законъ.
О! свѣте мой! ты лукъ, ты мещешь безъ погрѣшно!
Мещи стрѣлу, что ей доспѣть въ цѣль благоспѣшно!
Дабудетъ цѣлїю законъ твой ей отверстъ!
Стрѣла да буду я, сїю избралъ твой перстъ.

ЭЛЕГІЯ 9 я,

Боже, Ты увѣдѣлъ Еси безуміе мое, и прегрѣшенія моя отъ Тебе неутаишася. Псал: 68. Стихъ 6.

Естьли ты не явишь къ намъ глупымъ снисхожденья,
Премудро правящій весь свѣтъ, Всесильный Царь!
Не можетъ ужъ никто надѣяться прощенья.
Порокамъ, глупостямъ, подвержена вся тварь.
Сей заражаетъ ядъ и мысли вознесенны.
Всякъ глупости своей въ себѣ имѣетъ міракъ.
Солжемъ ли, что мы всѣ вдругъ были помраченны?
Сей человѣчества есть всѣмъ природный знакъ.
Тѣ праотцы, что родъ нашъ смертный основали,
Знакъ ясный подали безумства своего.
Повѣрь потомство! мы за яблоко пропали.
Что можетъ глупѣе быть лакомства сего?
Неменшь былъ глупъ, одной похлѣбки возжелавшій,
Наслѣдство погубилъ отеческо Исавъ.
Такъ равно Соломонъ свой разумъ потерявшій,
Домъ Царскій осквернилъ, любви себя предавъ.
Сколь съ правдою слова Пророчески согласны!
Безумныхъ что нарекъ несмѣтное число.
Законодавцевы предвѣстья не напрасны,
Оплакивалъ что столь людей нещастныхъ зло.
О! естьлибъ смертные, сказалъ онъ, умудрялись,
И ждалибъ бдѣтельно предъ будущаго дня,
Конечнобъ скоро такъ въ пороки невдавались,
Какъ таетъ мягкій воскъ отъ малаго огня.
И такъ пороки намъ лишь чувства ослѣпляютъ,
Никто не впадаетъ, какъ глубый лишь въ порокъ.
И наши глупости себя не воспящаютъ,
Но въ худшее текутъ, рѣки какъ быстрый токъ.
Мы строимъ домы здѣсь, сооружаемъ грады,
Какъ будто бы намъ данъ на вѣки былъ сей свѣтъ.

Но завтра посѣчетъ, ахъ! смерть насъ безъ пощады,
Такъ зданья наши суть не глупостиль предметъ?
Садимъ древа, къ трудамъ чужїя нудимъ руки,
Площадками дѣлимъ, аллеями сады.
Но что посѣемъ, то едваль увидятъ внуки.
Чтожъ пользы намъ въ томъ, что внукъ наши съѣстъ плоды?
Какъ игры дѣтскїя смѣхъ въ старыхъ возбуждаютъ,
Что строятъ домики изъ дерну и листковъ.
Сколь ревностно всѣ вдругъ работу продолжаютъ!
Тотъ сѣна, сей земли, другой наноситъ дровъ.
Сей возитъ перье, дрязгъ, телѣжкою со тщаньемъ,
Того долгъ приносить къ нимъ воду черепкомъ.
Всѣжъ хвалятся своимъ великолѣпнымъ зданьемъ,
И думаютъ, что то воздвигли царской домъ.
На все то люди зря, безъ смѣху не проходятъ,
И старцы важности своихъ убавятъ лицъ.
Такъ наши Ангеламъ заботы смѣхъ наводятъ.
Всѣ зданья наши чтутъ небольшъ, какъ гнѣзда птицъ.
Толь мудрость, что парикъ кто знаетъ, какъ надѣти?
Что розныхъ тысяча есть платья образцовъ!
Пусть пройдетъ кто пять шесть градовъ, чтобъ обозрѣти,
У видитъ столько модъ тамъ, сколько есть градовъ.
Когдабъ всѣмъ симъ въ одномъ Ѳеатрѣ быть случилось
Гдѣбъ всякъ въ одежду былъ различную одѣтъ,
Тутъ шутовъ полноебъ вдругъ зрѣлище открылось.
Смѣялсябъ платью всякъ, въ которомъ былъ сосѣдъ,
Коликъ къ исканью жаръ сребра, алмазовъ, злата!
Всѣ не жалѣютъ въ томъ ни день ни ночь труда
Чтожъ злато? Желта пыль изъ подъ земли изъята
И что алмазъ? есть лишь морскаго капля льда.
Но глупые съ какимъ вещь тщаньемъ ищутъ тлѣнну?
Какъ будто бы сїя была къ спасенью цѣль.
Хоть небо можно все купить за малу цѣну,
Но мало сколь о томъ старалися досель.
Сколь глупъ народъ! даетъ предъ небомъ предпочтенье,
Комужъ? землѣ. Прямымъ добромъ считаетъ тлѣнъ.

Коль впалибъ отроки въ такоежъ погрѣшенье,
Никто изъ нихъ за то не былъ бы пощажденъ.
И дѣти знаютъ, что суть деньги, что игрушки.
Увидя деньги лишь, бросаютъ скорлупы.
Мы глупѣй ихъ, что чтимъ дражай небесъ гремушки.
Ахъ! стыдъ! богатства чтимъ, сей дрязгъ, песокъ, щепы.
Врачи! пускайте кровь безумнымъ неоскудно,
Да будетъ къ глупости ближайшій сей ударъ.
Но Вышній зритъ на все, свѣтъ правящій пречудно,
И нашимъ глупостямъ даютъ прощенья даръ.
Равно и на мой онъ глупости снисходитъ.
Хоть видитъ многое, но будто бы не зритъ.
Хоть строгій онъ Судья, но милость въ судъ приводитъ.
Чтобъ незгубилъ я благъ наслѣдственныхъ, онъ бдитъ.
Творецъ! содѣлай ты, чтобъ къ моему спасенью
Сыскался здравый врачь, защитникъ иль какой.
Иль Самъ ты моего безумства къ охраненью,
Ты Самъ мнѣ буди стражъ, храня Своей рукой!

ЭЛЕГІЯ 10я.

Кто дастъ главѣ моей воду, и очамъ моимъ источникъ слезъ, да плачуся день и нощь.
Іерем: Глава 9.

Кто дастъ главѣ моей, да въ море превратится?
Изъ всѣхъ власовъ ея да льется стольножъ рѣкъ?
Да слезъ дождемъ чело, какъ поле, наводнится,
Гдѣ брега нѣтъ, кой бы теченье слезъ пресѣкъ?
О! естьлибы мои слезящія два ока,
Содѣлались теперь стремящись два потока!
Для слезъ моихъ и тотъ еще источникъ малъ,
Что плачущіи старикъ всечасно проливалъ.
Не удовольствуюсь и тѣми я ручьями,
Ты коими, Пророкъ, мочилъ постель свою!

И коими свой постЪ ты умащалЪ слезами,
Со хлѣбомЪ ихЪ вкушалЪ, мѣшалЪ ихЪ кЪ питію!
Мнѣ недовольны тѣ, Марія, слезЪ потоки,
Ты кои пролила, христу стопы кропя!
Ни слезы, ПетрЪ, твои, что вЪ ровЪ вошедЪ глубокій,
О согрѣшеніи ты проливалЪ скорбя!
Твои мнѣ надобны, о! НилЪ! обильны воды,
Разлившись по полямЪ, что тукЪ и плодЪ даютЪ.
Иль, водолей, твои, что потопляешЪ годы,
КакЪ звѣзды есьнью обильну влагу пьютЪ.
Иль лучше дождь, когда всѣ хляби отворились,
ТотЪ дождь, что потопилЪ и землю и града
Высоки горы имЪ и холмы всѣ покрылись,
ВЪ лѣсахЪ, вЪ лугахЪ, вездѣ была одна вода.
Пусть очи страшными дождями наводнятся!
Да погрузится вся глава моя вЪ волнахЪ!
Иль очи пусть мои вЪ двѣ рѣки раздѣлятся,
ЧтобЪ зракЪ, уста, и грудь вЪ сихЪ плавали рѣкахЪ!
Я глазЪ не осушу, доколь умЪ углубленный
Не воспретитЪ, чтобЪ слезЪ ужЪ больше нетекло.
Щастливы, Нимфы вы, о! Нимфы вы зелены!
О! превращенные вЪ плывущее стекло!
Щастливы вы стократЪ, что вЪ рѣки превратились,
Вы древней баснію прославлены красы!
ПочтожЪ моя глава и руки не разлились?
Почто ручьями всѣ мнѣ не текутЪ власы?
Я лишь не превращенЪ вЪ рѣку быстротекущу,
Я тотЪ, что силюсь быть вотще рѣки струей.
О! естьлибЪ равенЪ былЪ я Ацису плывущу,
Что сталЪ течь отЪ любви, Галатея, твоей!
ТогдабЪ глаза мои вдругЪ рѣки источили,
КакЪ снѣжны воды ПиндЪ стремитЪ сЪ своихЪ вершинЪ.
ТогдабЪ лице и грудь мнѣ слезы оросили,
КакЪ быстрыхЪ водЪ ручьи разлившись средь долинЪ.
И рѣки потеклибЪ во дни, во время ночи,
ТѣмЪ будетЪ мнѣ милѣй, чемЪ больше слезЪ пролью.

Другихъ пріятностей мои не узрятъ очи,
Доколь грѣховъ моихъ въ слезахъ не потоплю.

ЭЛЕГІЯ IIя.

Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей. Псал: 136.

Почто велите мнѣ, друзья мои любезны!
Велите мнѣ воспѣть пѣснь здѣсь въ чуждей странѣ?
Устали будутъ пѣть? но пѣсни безполезны.
И перстыли брящать? но жару нѣтъ во мнѣ.
Вить лики съ пѣніемъ веселью суть пристойны,
Когда спокоенъ духъ, и радости отверстъ.
Но естьли духъ унылъ, и мысли безпокойны,
Тогда молчатъ уста, тогда недвижимъ перстъ.
Но нужны, скажете, тутъ гусли и свирѣли,
Когда бываетъ духъ печаленъ и унылъ,
Чтобъ мысли отъ тоски и умъ не ослабѣли,
И духъ подъ бремемъ золъ не палъ безъ чувствъ, безъ силъ,
Вы дали вѣрно мнѣ лѣкарство къ исцѣленью!
Вашъ твердымъ дѣлаютъ и опыты совѣтъ!
Корабленикъ поетъ трудовъ ко облегченью,
Когда онъ веслами спокойный понтъ сѣчетъ.
Пастухъ, когда овецъ пасетъ, и въ поле гонитъ,
Поетъ веселу пѣснь, чтобъ время проводить.
На стражѣ воинъ тожъ, когда ево сонъ клонитъ.
Поетъ прохожіи пѣснь, чтобъ скуку тѣмъ разбить,
Но что прохожему и воину прилично,
Пловущимъ, пастуху, къ тому я не привыкъ.
Душѣ моей гласить лишь жалобы обычно.
Ей слѣдуя вопить способенъ мой языкъ.
Старинныхъ пѣсней я не вспомню, сколь ни тщуся.
Музыка кажется ужъ новымъ дѣломъ мнѣ.
Веселіи всякихъ ужъ и пѣсней я боюся.
Боится какъ на свѣтъ воззрѣть сидѣвшій въ тьмѣ.

Какъ гусли я давно оставленны настрою,
Иль въ нѣжную свирѣль хочу я пѣснь сыграть,
Въ сладчайшу лиру иль брящать начну рукою,
И голосомъ къ струнамъ согласно припѣвать,
Ахъ! сколько разъ играть и пѣть я покушался,
Ахъ! столько разъ изъ глазъ я слезы проливалъ!
Отъ сихъ то слезъ и перстъ и гласъ мой воспящался,
Хоть паки я играть, и пѣти начиналъ.
И музы мнѣ, какъ я узналъ, не помогали.
Въ рукѣ орудія немогъ ужъ я здержать.
Рука и голосъ мой отъ сихъ утѣхъ отстали.
То могутъ ли онѣ искуство возновлять?
Но пусть я сохраню сїю унылость скучну,
Я сеюль важностью мою скорбь облегчу?
Иль буду на струнахъ играть я пѣсню звучну?
Къ извитїю мой гласъ нѣжнѣйшу прїучу?
Но къ воплямъ большели иль къ пѣнью понуждаюсь,
Тотъ, кто къ слезамъ причинъ есмь тысячью влекомъ?
Ахъ! тысящїю золъ я пѣти воспящаюсь.
Печаль ужъ стала мнѣ обыкновеннымъ зломъ.
Ни мѣсто къ пѣнью мнѣ, ни время не полезно.
То обое печаль претитъ избрати мнѣ.
Чтожъ внѣ тебя велятъ, о! отчество любезно!
Въ тебѣ рожденну пѣснь, воспѣть въ чуждей странѣ?
Оставте мя! сїе изгнанцу есть несродно.
Не красна будетъ пѣснь моя средъ сихъ земель.
Изгнанъ изъ отчества могу ли пѣть свободно?
И можетъ ли гласить отеческа свирѣль?
Оставте мя! се! я сраженъ нещастнымъ рокомъ
Въ чужой странѣ мнѣ нѣтъ охоты восклицать.
Се! слезы изъ очей моихъ текутъ потокомъ!
И яль могу здѣсь въ гусль торжественну брящать!
Злощастїй мысль всегда мнѣ очи поражаетъ.
Яль въ гусль могу играть, или простерти гласъ?
Се! грудь мою всегда нещастный рокъ терзаетъ!
Не изчезаетъ мысль изгнанья ни на часъ.

Естьлибъ и Амфіонъ въ землѣ сей поселился,
И онъ орудіемъ своимъ бы не взгремѣлъ.
Какъ обратясь Орфей Эвридики лишился,
Упала гусль изъ рукъ, и перстъ ево немѣлъ.
То яли перстами, яль въ гусли возъиграю,
Въ злощастіяхъ страждущіи, стократно погребенъ,
Сколь кратъ я мысль къ тебѣ, о! отчество, вращаю?
Столь кратъ мой духъ падетъ, воззрѣньемъ симъ сраженъ,
Когда о! отчество! къ тебѣ я возвращуся,
Ты лишь питаешъ сей надеждой мысль мою.
Когда желаньемъ симъ я въ правду наслаждуся,
Тогда устами я и духомъ воспою.

ЭЛЕГІЯ 12я.

Соверши стопы моя во стезяхъ Твоихъ, да неподвижутся стопы моя. Псал: 16.

И такъ ли слабыя мнѣ измѣняютъ ноги?
Се! я паду, нѣтъ силъ стоять мнѣ на пути!
Се! зри, ты зряй съ небесъ людски слѣды, дороги!
Я слабъ, безъ силъ, паду, стопы мнѣ утверди!
Парящіи выспрь орелъ учитъ птенцовъ лѣтати,
Парити такъ, какъ онъ, въ безоблачныхъ странахъ.
Такъ мать младую дщерь пуская изъ объятіи,
Учить сперва стоять дрожащихъ на ногахъ,
Потомъ къ ней приходя, и паки отступая,
То дщерь манитъ къ себѣ, то прочь итти велитъ.
Дщерь падая встаетъ, мать тотчасъ поднимая,
Ходить привычкою и паданьемъ учитъ.
Се! зри, ты зряй съ небесъ людски слѣды дороги!
Зри, коими свой путь я средствы облегчу!
Въ ходулькахъ слабыя я утверждаю ноги.
Я двигаюсь впередъ, колесца вдругъ тащу.
Но что за жалобы? они конечно новы?
Такъ, правда, въ мысли нѣтъ мнѣ на ноги роптать.

ВЪ ногахЪ болѣзни нѣтЪ , и чресла всѣ здоровы.
Чрезъ камни , черезЪ рвы , могу еще скакать.
Но жалоба моя на немощь лишь душевну.
Душа болѣзненныхЪ не можетЪ ногЪ влещи.
Поверженна страстьми , ахЪ ! жизнь ведетЪ плачевну !
Тѣ страсти вмѣсто ногЪ даны ей , чтобЪ тещи.
Лишь добродѣтели , путь краткїи начинаю ,
Слабѣетъ мысль моя , не можетЪ снесть труда.
Стопы слабѣйши древЪ , что вЪ нилѣ, ощущаю.
Слабѣйши трости той , колеблетЪ что вода.
Хоть рѣдко иногда жарЪ сильный воспылаетЪ ,
Вспылаетъ, и велитЪ вступить мнѣ вЪ путь скача.
Но огнь сей вспыхнувши вдругЪ паки угасаетЪ.
ОтЪ вѣтра гаснетЪ какЪ возженная свѣча.
Но чтобЪ не показать что ноги непроворны ,
ИхЪ двигаю впередЪ , хоть слабЪ и отягченЪ.
Стрегусь же идучи , чтобЪ очи чьи подзорны
Не возмечтали , что виномЪ я упоенЪ.
То вЪ ту я , то вЪ другу лишь сторону шатаюсь,
Подобно какЪ хромый ступаетЪ не равно.
Хощу и нехощу , горю и простужаюсь ,
И сердце млѣетЪ внутрь , какЪ мразомЪ стѣснено.
Грущу , сержусь , что трудЪ напрасно истощится.
Остановляюся , и медлю средь пути.
Но гдѣ я ослабѣвЪ хощу остановиться .
ТутЪ мѣста я для ногЪ не вЪ силахЪ соблюсти.
ОтЪ вѣтра какЪ корабль несомый увлекаюсь ,
Гдѣ парусЪ сЪ веслами не дѣлаютЪ услугЪ.
И трату возвратить возвратомЪ понуждаюсь.
ТакЪ тщетный трудЪ влечетЪ здѣсь боскончный кругЪ.
КакЪ скованны рабы для вѣчныя работы ,
Стократно обходя вкругЪ колесо влекутЪ.
Вершится машина чрезЪ многи обороты ,
Но тщетный сихЪ рабовЪ круженїе и трудЪ.
Увы ! что дѣлать мнѣ , тещи не наученну ?
Се ! ноги не могутЪ и краткїи путь свершить !

Пространенъ къ небу путь, въ страну толь отдаленну
Стопами скорыми потребно поспѣшить.
Чтожъ здѣлаютъ мой возницы столь не скоры?
Я самъ съ ползущими въ хожденіи сравнюсь.
Ракъ пресмыкаяся войдетъ со мною въ споры.
Такъ чтоже я достичь небесъ надеждой льщусь?
Къ метѣ сей не спѣшу, далеко отстоящій,
Къ погибелижъ своей теку коня быстрѣй
О! боже! соверши стопы мои дрожащи!
Да совершу сей путь къ хвалѣ моихъ вождей!

ЭЛЕГІЯ 13я.

Да не потопитъ мене буря водная, ниже да пожретъ мя глубина. Псал: 68.

О! странно коль твое не постоянство море!
Обманамъ коль твоимъ подвержены суда!
Сребромъ ли иль стекломъ течешь, еще то въ спорѣ.
Металловъ жидкихъ видъ даетъ твоя вода.
Стоишь ты иногда какъ езеро спокойно,
Какъ малый прудъ стоитъ среди молчащихъ нѣдръ.
Но часто ты отъ волнъ вздымаешся нестройно,
Какъ легкій на твои подуетъ воды вѣтръ.
Тутъ волны скачущи корабль вдругъ окружаютъ,
Суда то верхъ, то внизъ тамъ скачутъ по валамъ.
То носы мѣдныя пучину разсѣкаютъ.
Сѣдая пѣна вкругъ отъ веслъ кипитъ по рвамъ.
Ты зришся иногда столь гладко, ровно, ясно,
Что корабли бѣгутъ какъ власпно по землѣ.
А чтобъ казалось ты и во вся не опасно,
Тамъ видны мраморы въ прозрачной глубинѣ.
Невѣрныль могутъ быть кристалловидны воды??
И можетъ ли стекло прозрачно обмануть?
Не нуженъ якорь ужъ кормѣ отъ не погоды.
Се! судну вѣтръ даетъ благопоспѣшный путь!

Лишь судно отваливЪ отЪ брега вЪ понтЪ пустилось,
Земля, луга, лѣса изчезли отЪ очей.
И се! среди пучинЪ вдругЪ множество явилось?
ВолнЪ скачущихЪ кругомЪ ужасныхЪ изЪ зыбей.
Подобно какЪ чей рабЪ путшествуя песками,
БываетЪ окруженЪ вдругЪ отЪ ЛивїйскихЪ львовЪ.
Иль какЪ путшественникЪ густыми мѣжь лѣсами
Встрѣчается, не знавЪ, сЪ толпою злыхЪ воровЪ.
Тогда вздымается отЪ волнЪ поверхность моря,
Вода отЪ страха вся мѣняяся дрожитЪ.
Восточный вѣтрЪ шумитЪ, со западнымЪ тутЪ споря,
СЪ БореемЪ южныи вѣтрЪ встрѣчаясь належитЪ
Сѣчется море все расторженно на части,
КакЪ каждый вѣтрЪ гоня врознь волны развлечетЪ.
Является НептунЪ изЪ страшной моря пасти,
И судно потопить вЪ волнахЪ стремглавЪ течетЪ.
АхЪ! стонетЪ какЪ корабль отЪ волнЪ сихЪ порѣваемЪ
ОнЪ гибнетЪ, какЪ волна девята дастЪ ударЪ.
ТаковЪ есть понта видЪ стократно измѣняемЪ,
Стократно зрится тихЪ, стократно же и ярЪ.
Но я чрезЪ море здѣсь не море разумѣю,
Не на Өетиду здѣсь я жалобу мою,
Ниже на бурныя я вѣтры здѣсь имѣю.
Не власть, не царство здѣсь, ЭолЪ, твои пою.
Не о твоихЪ судахЪ мнѣ рѣчь, ТифисЪ отважный.
По житкимЪ что валамЪ ты первый путь сыскалЪ.
Я брегЪ не покидалЪ, не испыталЪ путь влажный,
ЗеленыхЪ оныхЪ НимфЪ, НимфЪ ложныхЪ не видалЪ.
Не знаю вѣтровЪ я, не знаю сей науки,
По вѣтру парусовЪ незнаю распростерть.
Сему искуству чьи коль научились руки,
Искуства отЪ сегожь себѣ получитЪ смерть.
Моя жизнь море есть. Всѣ свойства вЪ ней подобны.
КакЪ судно вЪ море я плывущее по ней,
И дующїе вкругЪ Эолы, братья злобны,
Свирѣпы то души движенья суть моей.

Я въ суднѣ семъ средь волнъ симъ плавующїй вѣтромъ,
Я зрѣлъ и ощущалъ нещастья лишь одни.
О! жизнь! обманчивымъ прельщающая ведромъ!
Ты прелагаешь въ мигъ дни ясны въ чорны дни!
Вездѣ забавы лишь, вездѣ увеселенья,
Все дышетъ прелестьми, все сладостьми течетъ,
Когда горитъ любовь, жаръ въ жилахъ вожделѣнья,
Закрыты лесть, обманъ, печали виду нѣтъ.
Но естьлибъ чья душа свободы возжелала,
Чтобъ отъ грѣховныхъ волнъ отъ вѣтровъ ускользнуть,
Узналабъ, въ страшной скель мысль безднѣ утопала,
И сколь грѣхомъ ее обремененна грудь!
О! естьлибъ такъ, какъ кто въ морской пучинѣ тонетъ,
Онъ тщится выныряеть изъ водъ главой сто разъ.
Пусть такъ погрязнувша въ грѣхахъ душа возстонетъ,
Простретъ горѣ изъ волнъ и руки и свой гласъ!
Но естьли упадетъ кто въ пропасть межь горами,
Онъ гибнетъ, глыбами и камнемъ заваленъ.
Иль какъ погрязнувшїй въ рѣкѣ покрытой льдами,
Не можетъ выйти, льдомъ отвсюду окруженъ.
Подобно такъ грѣховъ погрязнувшїи въ пучинѣ,
Едва и вышняго спасается рукой.
Се! зри! какъ я межь двухъ враговъ тѣснимъ въ срединѣ,
Съ одной страны бьетъ вѣтръ, а понтъ реветъ съ другой!
Се! зри! какъ мнѣ грозятъ вода и вѣтръ напастью!
Я скоро ужъ напьюсь губительной воды.
Сугубому мой духъ подверженъ есть нещастью.
Щястливой къ моему нѣтъ плаванью звѣзды.
Воззри! и не оставь меня среди боренья!
Се! поглотить меня морской ужъ зѣвъ разверстъ!
Простри десницу ты, для моего спасенья!
Подставь мнѣ подъ уста твой, боже! крѣпкїи перстъ!

ЭЛЕГІЯ 14я.

Что ми есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли. Псал: 72.

Чего я на земли, иль въ небѣ возжелаю?
Чего въ водахъ морскихъ во безднѣ, подъ землей?
Естьли, о! свѣте мой! тебя не обрѣтаю,
Не удостою я весь свѣтъ любви моей.
Хоть небо тысящи веселій вомѣщаетъ,
Хоть скрыты во морской богатства глубинѣ,
Хоть многая земля благая разсыпаетъ,
Но все то безъ тебя зломъ кажется лишь мнѣ
О! небо! о! земля! и ты о! понтъ зеленый!
Представьте пусть мнѣ вы, обиліемъ гордясь!
Пусть будутъ всѣ богатства здѣсь снесенны!
Но безъ любимаго не чувствую заразъ.
Хоть часто, признаюсь, врознь развлекали мысли,
То небо, то земля, то глубина морей.
Хоть весь кто свѣтъ измѣрь, хоть части всѣ изчисли,
Число и пяди всѣ не равны сутъ моей.
Я вздумалъ нѣкогда разрыть земныя горы,
И медь блестящую извлечь себѣ изъ нихъ,
И злато и сребро плѣняющее взоры,
Открыть металлы всѣ внутрь скрыты нѣдръ земныхъ.
И се! разрытъ весь нутръ земный, бугры, пещеры!
Всѣ были собраны сокровища земли.
Чтожъ пользы въ собранныхъ богатствахъ сихъ безъ мѣры?
Покою вѣть души моей не принесли.
Но мысль моя съ земли на море прелетаетъ,
Къ странамъ восточнымъ, гдѣ горящій Індъ течетъ.
Гдѣ море бисеры драгія внутрь раждаетъ,
Достать тѣ драгости желанья жаръ влечетъ.
И росу изъ чрепицъ всю выжати червленныхъ,
Развѣрзутъ кои лишь прекрасныя уста,
И на брегахъ жемчугъ збирати позлащенныхъ,
Отъ коего блеститъ Гидаспова вода.

Но ахъ! всѣ камыки, драгія всѣ алмазы,
Что собраны изъ рѣкъ, и со бреговъ морскихъ,
Всѣ яхонты, лалы, блестящіе топпазы,
Не могутъ утолить желаній жаръ моихъ.
Желаній на морѣ, и на земли нѣтъ краю.
И такъ я оныя ужъ къ небу устремилъ,
На кругловидный шаръ я міра тамъ взираю,
Гдѣ храмъ исполнь огней блистающихъ свѣтилъ.
Содрогся я узря, какъ стройными стезями
Свѣтила тамъ текутъ, другъ за другомъ всѣ вкругъ.
Но межь столь многими висящими огнями,
Не можетъ ни одинъ въ себѣ вмѣстить мой духъ.
Ахъ! скучно коль съ земли стремить на небо взоры!
Прощай земля! прощай, я къ небу полечу.
Уже теряются изъ глазъ града и горы,
Вся кажется земля подобна лишь мячу.
И солнца и луны превыше возлетаю.
И седмь планетъ уже я вижу подъ собой.
Кристаллами блестящь ядолу созерцаю
Тотъ звѣздный сводъ, что былъ недавно надъ главой.
Я пламенными сталъ ужъ окруженъ стѣнами,
Уже отверсты въ храмъ небесный мнѣ врата,
Срѣтаютъ жители махающе крилами,
Зрятъ очи ихъ ко мнѣ, привѣтствуютъ уста.
Ликуютъ вкругъ скача, со радостными плески.
Исполнь веселіи храмъ подобно въ день торжествъ.
О! небеса! о! вы, звѣздъ скачущіе блески?
О! храмъ, достойны храмъ небесныхъ лишь существъ!
О! жители небесъ! о! вы парящи духи!
О! гусль, достойная лишь Ангеламъ брящать!
Гдѣ я? что очи зрятъ? мои что внемлютъ слухи?
Я самъ себя забылъ, не въ силахъ умъ внимать.
Но въ умъ пришелъ, какъ тутъ любимый не явился.
О! звѣзды! небеса! о! весь крилатыхъ свѣтъ!
Мнѣ нѣтъ ужъ нужды въ васъ, хоть прежде вами льстился.
Прощайте вы, коль здѣсь любимаго мнѣ нѣтъ.

Коль нѣтъ любимаго, земля и свѣтъ не милы,
Чегожъ мнѣ на небѣ, иль на землѣ искать,
Хоть тысячу міровъ мои проникнутъ силы,
Не можетъ слава та конецъ желаньямъ дать.
Ахъ! недовольна мысль всѣмъ, что страны далеки,
Что звѣздоносныя содержатъ небеса,
Вмѣщаетъ что земля, пространный понтъ и рѣки,
Что домы человѣкъ, что гнѣзда птицъ, лѣса.
Всѣмъ, что въ себѣ круги небесны заключаютъ.
Желаньямъ немогу предмета тамъ обрѣсть,
Коль мысли наши вѣтръ завѣщи принимаютъ,
Находимъ, признаюсь, всегда обманъ и лесть.
О! боже мой! въ тебѣ весь свѣтъ я созерцаю,
Всю землю и моря, и неба красоту;
Что существуетъ, все въ тебѣ я обрѣтаю.
Но безъ тебя во всемъ я нахожу тщету.

ЭЛЕГІЯ 15я.

Коль возлюбленна селенія твоя Господи силъ, желаетъ, исконъевается душа моя во дворы Господни. Псал: 83.

О! вождь небесныхъ силъ, вождь крѣпкій и державный!
Тьмы Ангеловъ престолъ твой обстоятъ вокругъ.
Коликой лѣпотой блистаетъ храмъ преславный!
Дивится мысль, горитъ туда желаньемъ духъ.
Тенарскимъ мраморомъ тамъ стѣны сооруженны,
Изъ камней тамъ драгихъ возграждены врата.
Блистаютъ двери въ нихъ алмазы испрещренны.
На гордыхъ тамъ верхахъ вся зрится красота.
Блестяще золото преукрашаетъ своды.
Преклады ихъ держатъ изъ кедровыхъ древесъ.
Кровъ пышный тамъ красятъ вещей различныхъ роды.
Достойно все царя является небесъ.

Пріятный вѣетъ тамъ воздухъ надъ облаками,
Какъ вѣетъ здѣсь зефиръ среди весеннихъ нѣгъ.
Зима не машетъ тамъ замерзлыми крылами.
На кровы не падетъ тамъ льдистый градъ и снѣгъ.
Не таютъ инеи отъ солнечнаго свѣта.
Мразъ лютый въ камень тамъ текущихъ водъ не жметъ.
И класовъ не палитъ небесный левъ средь лѣта.
Полдневный зной ярясь пріятныхъ дней не жжетъ,
Зелена кровь въ листкахъ въ жары не застываетъ.
Не блекнетъ на поляхъ трава, на нивахъ класъ.
Среди звѣздъ вѣчная весна лишь процвѣтаетъ,
Тамъ не божителямъ невѣдомъ жаръ ни мразъ.
Всесильный царь! живый среди небесъ лазурныхъ?
Сколь велелѣпенъ твой храмъ зрится предъ землей!
Тамъ нѣтъ бунтующихъ погодъ и вѣтровъ бурныхъ.
Не мочитъ тамо поль дождливый водолей.
Небесны души тамъ молчатъ среди покою.
Отъ мала вѣтра класъ колеблемъ не шумитъ;
Въ пріятномъ воздухѣ отъ бурь неслышно вою.
Тамъ ведро вѣчное претвердый чинъ хранитъ.
Не моетъ пламенной въ моряхъ Фебъ колесницы,
Не кроется въ волнахъ кругомъ весь міръ обшедъ,
Не гонитъ съ неба звѣздъ, и не мрачитъ денницы.
Ночь мрачна не тѣснитъ усталаго дня свѣтъ.
Не покрываетъ тьмой молчащею Эвира,
И бдящихъ томнымъ сномъ не тяготитъ очей.
Ночный мракъ удаленъ отъ горняго тамъ міра,
Блистаетъ тамъ всегда свѣтъ ясный вѣчныхъ дней.
Пріятный свѣтъ, и день, погодъ незнающь бурныхъ,
Блестящъ яснѣй стократъ и солнечныхъ лучей.
Всесильный царь! живый на небесахъ лазурныхъ!
Сколь велелѣпенъ храмъ твой зрится предъ землей!
Заботы, тщанія оттуда удаленны,
И съ блѣднымъ страхъ лицемъ, печаль, сердецъ болѣзнь.
Изгнанъ плачь въ черную одежду облеченный,
Власа развѣся стонъ, и мертвымъ должна пѣснь.

На небѣ нѣтъ трудовъ, нѣтъ тягостныхъ томленій.
Нѣтъ тяжебъ ни судовъ, нѣтъ споровъ тамъ ни въ чемъ.
Раздоровъ, распрей нѣтъ, кровавыхъ нѣтъ сраженіи
Чудовища нейдутъ другъ на друга съ мечемъ.
Убожества нѣтъ тамъ, болѣзней, жажды, глада:
Нѣтъ тѣхъ заразъ, влекутъ что разныхъ родъ смертей.
Предъ Марсомъ заперты врата на вѣки града.
Вкушаютъ жители блаженство мирныхъ дней.
Оружія, щиты и шлемы неблистаютъ.
Безъ трубъ тамъ въ тихости вѣкъ царствуетъ златой.
Въ такой спокойной градъ и смерти не впускаютъ.
Нѣтъ ей на жителей тамъ власти ни какой,
Власть радости дана, печаль чтобъ прогоняла
Отъ райскихъ сихъ жилищъ, вмѣстилищь всѣхъ утѣхъ,
Что пиршества она пріятны учреждала,
Исполненныя всѣхъ роскошствъ, веселіи, нѣгъ.
Хоть пищей жители поста не разрушаютъ,
И влага для питья отнюдь имъ не нужна,
Но безъ вкушенія ѣствъ алчбу утоляютъ,
И жажду безъ воды, безъ помощи вина.
У жителей небесъ суть ѣствы не плотскія
Какихъ здѣсь на землѣ усмертныхъ вовся нѣтъ,
Не знаемый здѣсь сокъ, тамъ льется Амброзія
И нѣкіи Нектаръ, что изъ божьихъ устъ течетъ.
Сихъ наслаждаясь благъ, покоятся тамъ духи,
На позлащенныхъ всѣ покоятся одрахъ.
И пѣнья Ангелски ихъ услаждаютъ слухи.
И лики на златыхъ ведутъ они лугахъ.
Всесилный Царь! живый въ жилищахъ пренебесныхъ!
Коликихъ домъ твой сей исполненъ есть благихъ!
Душа моя горитъ желаньемъ не извѣстныхъ.
Но скончевается въ желаніихъ своихъ.

ЭЛЕГІЯ 16 я.

Пріиди, брате мой; и взыдемъ на село, водворимся въ селѣхъ. Пѣсн: пѣсн: Глава 7. Стихъ 11.

Довольно свѣте мой! мы въ городѣ ужъ жили.
Пора намъ погулять средь сельскихъ нѣгъ прохладъ,
Огромны зданья насъ довольно веселили.
Дивила пышность стѣнъ, и крѣпость твердыхъ вратъ.
Но выгодъ нѣтъ такихъ межъ гордыми стѣнами,
Какихъ наполнены поля, сады, лѣса,
Во градѣ зданія своими хоть верхами
Гордяся самыя пронзаютъ небеса.
Но въ сельскихъ шалашахъ миръ, сладость, поселенны.
Хоть крыты ихъ верхи соломой и травой.
Ты знай, что отъ градовъ сколь села удаленны,
Столь удаленъ отъ нихъ и сладостный покой!
Есть баснь забавная, хотя извѣстна свѣту,
Но мню, что вздумана отъ скуки на пути.
И служитъ, кажется, для нашего предмету.
Послушай я скажу, чтобъ веселяй итти.
Мышь сельская градску обѣдомъ угощала,
Въ бѣднѣйшую нору позвавъ къ себѣ ее.
Смѣясь обѣду мышь, хозяйкѣ такъ сказала,
Коль кушаешь все такъ, въ деревнѣ не житье
Потомъ и сельскую градска звала въ отплату.
Мышь изъ деревни въ градъ съ охотою пошла,
Вкушали пищу тамъ двѣ мыши пребогату.
Но дверь лишь скрыпнула, спрыгнули состола.
Хозяйка уплелась, а гостья ужаснулась,
И обѣ въ торопѣ нашли нору съ трудомъ
Мышь сельская какъ чуть отъ ужаса очнулась.
Со всѣхъ ногъ бросилась изъ города въ свой домъ.
И какъ далеко мышь отъ града отбѣжала,
Сказала обратясь къ стѣнамъ градскимъ съ горы.

Возможноль, чтобЪ село на градЪ я промѣняла?
Не стоятЪ зданья всѣ одной моей норы.
ТакЪ намЪ наскучилЪ градЪ, наскучили палаты,
Во градѣ шумЪ живетЪ, а вЪ селахЪ тишина.
Припомни, свѣте мой! семейства всѣ богаты,
У всѣхЪ за городомЪ деревня не одна.
Хотя всѣ богачи свой городЪ выхваляютЪ,
Но дѣломЪ знать даютЪ, что села имЪ милѣй.
И тѣ, что царствами, градами обладаютЪ,
НаходятЪ вЪ деревняхЪ покой души своей,
Пріятнѣй здѣсь блестятЪ лазурны неба своды,
КакЪ мраморный вЪ домахЪ созлатомЪ потолокЪ.
Не столь разгонятЪ страхЪ пространны переходы,
КакЪ малинькой вЪ одной деревнѣ уголокЪ.
Довольно жили мы во градѣ межь стѣнами,
Хоть разЪ мы поживемЪ здѣсь вЪ сельской тишинѣ.
Деревня тамЪ моя сЪ прохладными водами,
НѣтЪ, кажется, другой ее прекраснѣй мнѣ.
ТамЪ воздухЪ чистЪ, земля даетЪ плоды стократны.
ТамЪ видЪ прекраснѣйшій во всѣ страны во кругЪ.
Когда пришедЪ сюда вЪ сіи мѣста пріятны,
Забудеши тотЪ часЪ градЪ отческій, мой другЪ!
Я тамЪ какЪ горлица среди древянной тѣни,
Я буду лишь сЪ однимЪ бесѣдовать тобой,
ОтЪ толпЪ всѣхЪ удалясь и отЪ градскихЪ смятеній,
БлаженствомЪ я сочту желанный толь покой.
УслышитЪ ли кто тамЪ межЪ нами разговоры?
И можетЪ ли кто нашЪ покой тамЪ помутить?
Для нашей тамЪ любви ничьи не страшны взоры,
И строгій судія, не можетЪ насЪ судить.
Ты сердце мнѣ свое откроешь какЪ зерцало,
Узнаю, какЪ уста безЪ лести говорятЪ.
Узнаешь и мое, какимЪ огнемЪ вспылало,
Узнаю, каковы слова тебя плѣнятЪ.
О! естьлибЪ разЪ блеснулЪ сей свѣтЪ мнѣ столь желанный!
Сколь щастіе мое вЪ тотЪ день бы процвѣло.

Оставимъ градъ, мой другъ, и зданія пространны!
Жилищемъ изберемъ на кратки дни село.

ЭЛЕГІЯ 17я.

Подъ сѣнь его восхотѣхъ, и сѣдохъ. Пѣсн: пѣсн: Глава 2. Стихъ 3.

Намѣрясь нѣкогда въ далекій путь вступити,
Какъ я большую часть сего пути прошла,
То, чтобъ трудъ дальнѣйшій въ дорогѣ облегчити,
Я мѣру и мѣста, и время все сочла.
Но какъ оставшія щитать я версты стала,
Осталось больше ихъ къ намѣренной странѣ,
Тогда, увы! я вдругъ безъ силъ, безъ чувствъ упала,
Тогда безмѣренъ трудъ пути казался мнѣ.
Тогда я къ небу мой простерла глазъ и взоры,
Чтобъ кто услышавъ воплъ, и внявъ, что я зову,
Отраду подалъ мнѣ въ трудахъ, помощникъ скорый,
Чтобъ осѣнилъ мою сожженную главу.
Се! ударяетъ Фебъ въ лице мое лучами,
Сгараютъ у меня уста, лице, чело.
Се! зри, кипитъ земля сожженна подъ ногами!
Стопы мои пескомъ горящимъ испекло!
О! рощи и лѣса водами орошенны!
Источники, древа, убѣжища пещеръ!
Ты, яблонь, надъ главой развѣсь сучки зелены!
О! естьлибъ ты, Тополъ, мнѣ тѣнь свою простеръ!
Внялъ вышніи воплъ, всегда дающій мнѣ отраду,
Внялъ тотъ, чьей помощи всегда просила я.
Я знаю, рекъ, куда спѣшишъ, къ какому граду.
И знаю, ты чего столь просишь вопія.
Къ Сіону горнему ты путь свой направляешь,
Жизнь здѣшняя есть путь туда, а версты дни.
Въ далекомъ семъ пути ты трудность ощищаешь,
Прохлады ищеши подъ деревомъ въ тѣни.

Я сѣнь есмь отъ трудовъ, я край твоихъ желаній.
Искома яблонь я, укройся ты подъ ней!
Се! зри на древѣ семъ мои простерты длани!
Зри язвы на ногахъ пробиты отъ гвоздей!
Се! зри, зри плоть мою всю ранами покрыту!
Се! зри, едвали тутъ есть тѣла видъ какой!
Но тѣнь сія тебѣ желанну дастъ защиту,
То древо дастъ въ трудахъ пристанище, покой.
Онъ рекъ, а я лежа вдругъ ощутила силы.
Такая сила то изъ устъ его текла!
Тогда я къ жениху простерла взоръ унылый.
Но, ахъ! я на крестѣ распятаго нашла!
Рекла что се! видъ твой сколь есть ужасенъ зрѣнью!
Подъ симъ ли древомъ мнѣ миръ будетъ вожделѣнъ?
Подъ сей кравовою возсяду ли я тѣнью,
Гдѣ будешь къ древу ты безчестну пригвожденъ?
О! древо зло! о! коль и руки тѣ нещастны,
Что насадили то! въ крови обагрены!
Но древо вѣтвія простерло коль прекрасны!
Подъ тѣнью ложи тамъ пріятны постланы.
Подъ тѣнью ложи тамъ, косну же не способны.
Сія тѣнь требуетъ обильныхъ больше слезъ.
О! древо коль добро! тѣ руки преподобны,
Что насадили то, достойныя небесъ!
Я знаю на рещи тебя какъ именами,
О! мой женихъ! ты мнѣ съ прохладной тѣнью домъ.
Какъ древо красными обильное плодами,
Способно утолить и жажду симъ плодомъ,
Всѣхъ выше древъ стоя трудящимся прохладу,
Прохожимъ подаетъ подъ тѣнію покой;
Такъ ты мнѣ пища, мой женихъ! во время гладу,
Ты въ жажди мнѣ вода, и сѣнь мнѣ въ лѣтніи зной!
О! сколько разъ къ тебѣ женихъ, я восклицала!
Чтобъ тѣнь сія хоть разъ покрыла мнѣ главу!
О! естьлибъ мнѣ возсѣсть подъ нею, воздыхала!
Супруга какъ лишась жена стенетъ въ дому.

Мнѣ слезъ предметъ власы, всѣ кровью обагренны,
Власы твои, твои запекшїясь уста,
И очи и глава на рамо преклоненны,
И черной кровїю слѣпившаясь брада.
Сколь крат на ребра я твои воззрю вздыхая!
Хоть часто зрѣть сїе слезами воспящусь.
Твоя мнѣ язва дастъ тьмы ранъ, всю грудь пронзая,
Уязвленна паду, къ ногамъ твоимъ прострусь.
Тутъ паки древо я объемля со слезами,
Сїе лишь подпишу твоими подъ стопами.
Се! любящихъ чета сама себя губитъ.
Та тонетъ во слезахъ, а сей въ огнѣ горитъ.

ЭЛЕГІЯ 18я.

Братъ мой прейде Душа моя изыде въ слово его. Пѣсн: пѣсн: Глава 5 Стихъ 6.

Чтобъ кинуть на тебя едино мнѣ воззрѣнье,
Я горы и лѣса, пещеры протекла,
Чтобъ слышать устъ твоихъ единое движенье,
Въ пустынцяхъ и мѣстахъ невходныхъ я была.
Всѣ холмы обошла, стремнины преужасны,
Всѣ камни, гдѣ однимъ жилище есть звѣрямъ.
Но поиски мои всѣ были лишъ напрасны,
Надежды нѣтъ тебя узрѣть моимъ очамъ
Сколь кратно я рекла: какїя то ущелья,
Вертепы иль тебя скрывали подъ землей!
Ни врощахъ ни въ лугахъ не зрѣла утѣшенья,
Лѣса, поля моихъ не слушали рѣчей.
Однажды я въ поляхъ безвѣстныхъ заблуждала.
Вездѣ не виденъ край, вездѣ терялся взоръ.
Лишь окомъ твердь, поляжъ я воплемъ измѣряла,
Не слышенъ былъ отзывъ, ни съ неба, ни изъ горъ,
Тутъ вдругъ представилась глазамъ пещера мрачна,
Я кликала, но гласъ не слышенъ и оттоль.

Но, вотъ! тутъ близъ пещеръ открылась роща злачна!
Прохлада гдѣ стадамъ въ жары бѣгущимъ съ поль.
А! а! сказала я, вотъ, здѣсь моя жизнь скрылась!
Но, ахъ! тутъ скрытнаго нигдѣ и мѣста нѣтъ.
Я тутъ безъ чувствъ, въ слезахъ ко брегу устремилась,
Что влагу пьетъ морску, иль волны прочь біетъ.
Стояла башня тамъ со облаками споря,
Гдѣ есть пристанище надежно кораблямъ.
На башню я всхожу, смотрю въ окружность моря,
И сколь есть силъ во мнѣ, кричу я ко брегамъ.
О! вы! брега! брега омытыя волнами!
Скажите, гдѣ мой братъ, не скрылся ли межъ васъ?
Лишъ только первый звукъ раздался межъ брегами,
Отозвался тотчасъ тутъ повторенный гласъ.
Но гласъ сей отзывомъ отъ эха быть я мнила,
И только, что симъ слухъ мой слабый былъ прельщенъ.
Я паки ко брегамъ плачевный вопль пустила;
Но паки тотъ же гласъ я слышу повторенъ.
Гласъ слышу, и гласъ твой, о! братъ мой узнаваю!
Отъ гласа твоего я паки ожила,
Была я чуть жива, но паки воскресаю.
Твой гласъ столь силенъ былъ, что я не умерла
Такъ ты, когда уста небесны отверзаешъ,
Ты зришися въ словахъ величество являть.
Какъ громъ какъ молнію тогда ты испускаешъ!
Такъ въ Еммаусѣ ты излилъ всю благодать,
Излилъ сопутникамъ твоимъ, воставъ отъ гроба,
Идущимъ на село двумъ спутникамъ съ тобой.
Тутъ воспылали въ нихъ все сердце и утроба,
Разжегшіясь твоей бесѣдою святой.
Подобно и мое внутрь сердце воспылало,
Твой гласъ какъ огнь съ небесъ снизшедъ, меня разжегъ.
Хоть море льдистое меня бы окружало,
Хоть воды хладные, хоть иней, мразъ и снѣгъ.
Внутрь пламень дѣйствуетъ, я вся истаеваю,
Подобно таетъ какъ свѣща бывъ возжена

Вѣ едину душу намѣ стопитися желаю,
Чтобѣ жизнь намѣ обоимѣ составилась одна.

ЭЛЕГІЯ 19я.

Имъ же образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебе Боже! Псал: 41. Стихъ 1.

Ты хощешь знать, какой любовью я пылаю?
Или какой огонь весь нутрѣ снѣдаетѣ мой?
Сѣ симѣ пламенемѣ полей, горящихѣ не сравняю,
Ниже цвѣтовѣ, что днемѣ зжигаетѣ лѣтній зной.
Пламенноносная звѣзда не столь средь лѣта
Дыханьемѣ пѣсіимѣ земной спаляетѣ шарѣ.
Ахѣ! сколь тогда стенетѣ Ливійска стень нагрѣта!
Но жажды сей вѣ моихѣ устахѣ сильнѣй есть жарѣ.
О! Боже! хощешь знать, какѣ духѣ во мнѣ згараетѣ?
Скажу, какѣ я кѣ тебѣ желаніемѣ возженѣ.
Какѣ жаждущій Елень источниковѣ желаетѣ,
Зміинымѣ жаломѣ бывѣ смертельно уязвленѣ,
Когда проходитѣ ядѣ вѣ его и вѣ кровь и вѣ жилы.
Иль вѣ ядѣ обмоченной елень пронзенѣ стрѣлой,
Весь нутрѣ его горитѣ, отѣ яда таютѣ силы.
Елень кидается, и землю бьетѣ ногой.
Трясется, бѣсится, и сильно задыхаясь,
Стремглавѣ вѣ лѣса бѣжитѣ и вѣ темныя мѣста,
Тамѣ, гдѣ течетѣ вода ручьями разливаясь,
Бѣжитѣ чтобѣ прохладить сожженныя уста.
Елень вѣ источникахѣ сихѣ получивѣ прохладу,
И жажду утоливѣ, заразу пресѣчетѣ.
Такѣ умѣ мой зараженѣ есть отѣ грѣховна яду,
Имѣ намащенную стрѣлу вѣ груди влечетѣ.
Напившаясь сего снѣдается утроба.
Горитѣ грудь пламенемѣ, вездѣ заразы власть.

Се! яростный во мнѣ пылаетъ гнѣвъ и злоба,
Что сердца мстящаго есть ядъ и вредна страсть.
Се! зри! сколь я надменъ, отъ гордости сколь стражду!
Пустой ядъ грудь мою всю напыщаетъ спесь.
Какимъ же утолить источникомъ мнѣ жажду?
Когда различный ядъ нутръ мой снѣдаетъ весь.
Сей жажды никака вода не утоляетъ.
Единъ ты утолишъ изъ кладезей живыхъ.
Ты знаешъ, Боже, коль духъ мой къ тебѣ пылаетъ,
Желаетъ какъ елень источниковъ водныхъ.
Елень отъ гончихъ псовъ поспѣшно убѣгая,
Хотя ни кѣмъ гонимъ впадаетъ часто въ ровъ.
Но часто всюды кругъ ловящихъ созерцая,
Онъ скачетъ выше стрѣлъ уставленныхъ на ловѣ.
Тутъ слышны лаи псовъ, ловящихъ шумъ и стуки,
Елень бѣжитъ, рога закинувъ на хребетъ.
Боится и дрожитъ, не впасть чтобъ въ сѣть и въ руки,
Боится стрѣлъ и псовъ, далеко хоть ушедъ,
Онъ озираясь вспять, по рвамъ, по холмамъ рыщетъ,
Сверкаетъ у него паръ огненный изъ рта.
Весь задыхаясь, водъ въ рѣкахъ холодныхъ ищетъ.
Чтобъ прохладить языкъ засохшій, и уста.
Нашедъ среди песковъ, воды ключевой жилы.
Онъ утоляетъ жаръ и жажду въ сихъ ключахъ.
Онъ пьетъ, но болѣе чтобъ подкрѣпити силы,
Онъ пьетъ и плаваетъ въ обильныхъ тамъ ручьяхъ,
Такъ окруженъ и я здѣсь адскими стрѣлами?
И пламенною внутрь семъ жаждею томимъ,
Здѣсь купидонъ, тамъ Бакхъ съ своими ждутъ сѣтями,
Со всѣхъ сторонъ меня псы гонятъ къ обоимъ,
Тамъ слава высоко развѣсивъ мнѣ тенеты,
Здѣсь узы подложивъ прельщаетъ пышна честь.
Тамъ множество друзей, даютъ свои совѣты,
Своимъ примѣромъ чтобъ меня въ пороки вплесть.
Отвсюды тысячью сѣтей я угрожаюсь,
Какъ заключенный звѣрь въ лѣсу оградъ среди,

То въ сей путь, то въ другой стремлюсь, но заблуждаюсь.
И не могу нигдѣ убѣжища найти.
Ужъ въ жилахъ кровь кипитъ, отъ жажды весь сгараю,
Всѣ жилы, кровь, и нутръ сей огнь во мнѣ сушитъ,
Тогда къ источникамъ, къ рѣкамъ я прибѣгаю.
Но жара моего вода не потушитъ.
Такъ воинъ утружденъ пьетъ полными устами,
Пьетъ воду мутную изъ грязнаго ручья,
Я мнилъ жаръ прохладить стоячими водами.
Но жаръ умножился мнѣ отъ сего питья.
Такъ Танталъ у воды стоя, ту ртомъ хватаетъ,
Но поманивъ ево отъ устъ бѣжитъ вода.
Онъ гонится за ней, но ртомъ не досягаетъ,
Всегда въ водѣ стоя, лишенъ ее всегда,
Подобно жаръ во мнѣ питьемъ не потушится,
Ни жажду утолитъ вода изъ блатъ гнилыхъ.
Мой жаждущій къ водамъ небеснымъ духъ стремится,
Какъ жаждущій елень желаетъ водъ живыхъ,
Теките прочь отсель гнилы, стоячи воды!
Хоть жажду я, однакъ не пью изъ грязныхъ блатъ.
Прочь лужи адскія! гадовъ гдѣ разны роды,
Змѣины жалы гдѣ, гдѣ гнилость грязь и смрадъ.
Пусть адскія ручьи, пусть воды удалятся,
Какой исходитъ смрадъ, какой и вредъ отъ нихъ!
Мой духъ и мысль къ ручьямъ небеснымъ да стремятся!
Какъ жаждущій елень желаетъ водъ живыхъ,

ЭЛЕГІЯ 20 я,

Отврати очи мои, во еже не видѣти суеты Псал: 118.

Се! бдятъ въ моемъ челѣ свѣтила два блестящи!
Ихъ долгъ есть бдѣть всегда, всегда смотрѣть стрещи,
Но не подвижныль суть, не знаю, иль блудящи,
Однакъ двояко ихъ мнѣ можно нарещи.

Долгъ часто не хранятъ имъ данный отъ природы,
И купно на своихъ не смѣжно стражахъ бдятъ.
И движутся всегда, держась своей свободы,
И оба на мѣстахъ не движимо стоятъ.
Въ какомъ же чинѣ звѣздъ свѣтила тѣ поставить?
То очи, моего свѣтила суть чела.
То двѣ звѣзды, дабы ихъ свѣтомъ путь мнѣ править;
То мѣсто стражи сей природа имъ дала.
На сей то высотѣ поставлены вы, очи!
Подобно на морскомъ какъ берегѣ огни.
Иль какъ на башнѣ стражъ стоя во время ночи,
Онъ видитъ, что вблизи, и видитъ, что вдали.
Но вы, какъ тѣ огни пловущимъ свѣтятъ въ морѣ,
Вы очи, и вашъ свѣтъ мнѣ не чинитъ услугъ.
Свѣтъ правитъ корабли, но то въ плувущихъ волѣ,
Засвѣтятъ ли огни, иль погасятъ всѣ вдругъ.
Какъ колесница, что течетъ прервавъ препоны,
Или какъ ярый конь бѣжитъ преторгъ муштукъ.
Такъ очи вы мои презрѣвши всѣ законы,
Стремитеся, забывъ власть правящихъ васъ рукъ.
Вы, очи, точно то, что камни суть въ пучинѣ.
О кои многи столь разбились корабли.
Вы очи странныхъ дѣвъ желавшей видѣть динѣ,
Какой вредъ вы, какой и студъ ей нанесли!
Узрѣлъ Урїю царь, какъ та въ купѣли мылась.
Тутъ вдругъ любовный огнь пустила изъ воды.
Предъ Олоферномъ лишъ Юдиѳъ въ красѣ явилась,
Сей вождъ Ассирскихъ вой погибъ отъ красоты.
Какъ старцы два нагу увидѣли Сусанну,
Погибли отъ своихъ прельщенныхъ ей очесъ.
Не столько кораблей, приплывщихъ ко Keравну,
Отъ разъяренныхъ волнъ разбилось объ утесъ.
Не столько моря зѣвъ несытый при Малеѣ,
Не столько Понтъ судовъ при Сциллѣ поглотилъ.
И такъ какой союзъ союзовъ тѣхъ святѣе,
Что Іовъ со очьми своими учинилъ?

О! очи! камни вы жестоки претыканья!
Сколь много душъ отъ сихъ погибло въ вѣкъ камней.
Сколь мало, видно, въ васъ по долгу есть старанья!
Сколь часто мы ко злу имѣли васъ вождей!
Веть стража вамъ главы съ такимъ ли договоромъ,
И съ тѣмъ ли вамъ дана сей крѣпко градъ стрещи.
Чтобъ прямое лице, со возвышеннымъ взоромъ,
Достойное небесъ вамъ ницъ къ землѣ влещи?
Не лучшель мысли вамъ къ странамъ возвысить неба?
Превыше горъ земныхъ, быстрѣй морскихъ валовъ?
Надъ звѣзды, надъ луну, и выше ясна Феба?
Превыше мира всѣхъ вращаемыхъ круговъ?
Тобъ было къ зрѣлищу прекраснымъ вамъ предметомъ,
Предлежность вашихъ, се! достойная забавъ!
Но чтете больше тлѣнъ и гниль предъ вѣчнымъ свѣтомъ.
И только то къ землѣ вашъ преклоняетъ нравъ.
О! очи! вы ничьей не правимы рукою!
Вы властвуете такъ какъ сильные цари.
Покрой блудящихъ сихъ, о! боже, мрачной тьмою!
Иль властною рукой ихъ зраки затвори!

ЭЛЕГІЯ 21 я.

Кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ, и полещу и почію, Псал: 54.

Творецъ вещей, бытій и смертныхъ насъ начало!
Ты нашу тлѣнну плоть рукой твоей создалъ.
ЕстьлибЪ намъ вопреки тебѣ рещи пристало,
Порокибъ нашего я тѣла описалъ.
Три царства покорилъ ты человѣка власти,
И землю и моря, и весь воздушный свѣтъ,
Но чтобъ достойно онъ всѣ сіи правилъ части,
Довольныхъ силъ ему къ тому недостаетъ.
Прости мнѣ, что скажу я здѣсь не осторожно!
Ъ семъ больше есть, какъ мнятъ пороковъ веществѣ.

Момъ сказывалъ, что внутрь его окну быть должно,
Хоть прочія хвалилъ въ семъ части существѣ
Но то останется рѣшить въ твоей, Момъ, волѣ.
То нужноль, чтобъ окно въ насъ къ сердцу Богъ открылъ,
Сіе, мню, зданію тому есть вредно болѣ,
Что рыбьей чешуи, что недано намъ крылъ.
Хотя отъ сихъ намъ здѣсь ненадобна услуга,
Нѣтъ нужды въ крыльяхъ намъ къ правленію землей,
Но какъ воздушнаго войдемъ въ правленье круга,
Иль примемъ скиптръ и власть волнящихся морей.
То какъ безъ рыбьихъ крылъ преплыть надменны бури?
И какъ безъ птичныхъ крылъ лѣтать по облакамъ?
Летитъ крылами Вранъ небесной по лазури,
Сомъ правитъ перьями путь по морскимъ валамъ.
Чтожъ человѣкъ ни сихъ ни тѣхъ крылъ не имѣетъ,
Хоть звѣзды и моря ему покорены?
Но облаками Вранъ, Сомъ моремъ не владѣетъ,
На чтоже обоимъ имъ крылья тѣ даны?
То меньшебъ въ свѣтѣ дѣлъ и мудрости казалась,
Коль муха крыльями шумѣть бы не могла,
Всебъ міра зданіе съ осей восколебалось,
Коль не журчалабы въ немъ крыльями пчела,
Гагара бѣдная въ трехъ царствахъ какъ царица,
На сушѣ, на морѣ, въ воздушныхъ тожъ странахъ,
На крыльяхъ иногда взвиваешся какъ птица,
И ходишъ по травѣ, и плаваешъ въ рѣкахъ!
Почто же не въ твоемъ три царства суть правленьѣ,
Коль порхаешь по всѣмъ симъ свѣта тремъ частямъ?
Когдажъ у смертнаго всѣ царства во владеньѣ,
Почто нешествуетъ по всѣмъ онъ тремъ стезямъ?
Нерей зеленый всѣхъ морей, пучинъ родитель.
На конѣхъ плаваетъ покрытыхъ чешуей.
Юпитеръ басненный, небесъ и звѣздъ правитель,
На крилахъ воздуха летитъ по тверди всей;
Почтожъ мнѣ не дано крылъ легкихъ, для полета
Ни рыбьихъ перышковъ, чтобъ воды разсѣкать?

ТакЪ какЪ же править мнѣ безЪ силЪ, безЪ крылЪ два свѣта,
Коль плавать мнѣ нельзя, и вЪ воздухѣ летать.
Но пусть для плаванья мнѣбЪ перьевЪ недостало,
Ведь плаваетЪ безЪ крылЪ дрязгЪ всякой по волнамЪ,
Но естьли, чтобЪ безЪ крылЪ по воздуху летало?
ПернатымЪ лишЪ однимЪ отверстЪ путь кЪ небесамЪ.
О! естьлибЪ вознеслось мое на воздухЪ тѣло!
О! естьлибЪ мнѣ страну небесную узрѣть!
Сколь отчество мое во нравахЪ охладѣло!
Сколь не достойно есть и имя то имѣть!
КакЪ ПегасЪ кЪ небесамЪ взлечу я сЪ быстротою!
Иль привяжи, Персей кЪ ногамЪ, ты крылья мнѣ!
Иль прилѣпи мнѣ ихЪ, ты ДедалЪ за спиною;
КакЪ ІкарЪ пусть упавЪ погрязну вЪ глубинѣ!
ЕЪ опавши перья пусть я птичьи облекуся,
ИзЪ пестрой что груди голубка извлекла,
И сЪ голубиными крылами устремлюся,
КЪ звѣздамЪ взлечу быстрѣй и быстраго орла!
О! птицы глупыя при езерахЪ рожденны!
Обыкли что летать межь блатЪ и межь зыбей.
Пусть ДедалЪ дастЪ кЪ плечамЪ мнѣ крылья прилѣпленны!
Не буду я летать межь скалЪ и межь камней.
Или какЪ береговЪ рѣчныхЪ пернатый житель,
Не стану водЪ сѣщи, крилѣ свои простерЪ;
Или какЪ водЪ гнилыхЪ, стоячихЪ блатЪ любитель,
СтрижЪ крыльями маша касается озерЪ.
Я спѣшно устремлюсь горѣ, кЪ странамЪ небеснымЪ.
Взлечу я выше всѣхЪ и солнцевЪ и свѣтилЪ.
Сколь много тѣхЪ людей чту превращенье леснымЪ,
Что вЪ птицЪ или любовь, иль гнѣвЪ ихЪ превратилЪ.
Почтоже перьями мнѣ, руки не одѣты?
Почто нѣтЪ легкихЪ крылЪ кЪ летанью за спиной?
О! сколько птицЪ чинятЪ веселые полеты!
СѣкутЪ выспрь облака пернатою ногой!
О! НизЪ! пусть твоему подобнымЪ бы я рокомЪ
ЩеглецкомЪ сталЪ, и вЪ пухЪ я былЪ бы облеченЪ!

Отъ музъ въ сороку бы во гнѣвѣ ихъ жестокомъ,
Иль въ голубицу пусть я былъ бы превращенъ!
О! естьлибы твоей угодно благостынѣ
Вздыханія, творецъ, и воплъ услышать мой,
Чтобъ были мнѣ даны крылѣ днесь голубинѣ!
Какъ нѣкогда пустилъ ту изъ ковчега Ной,
Что масличну къ нему вѣтвь принесла устами,
Обратно прилетѣвъ ей въ знаемый ковчегъ.
Ябъ тотчасъ возлетѣлъ превыше звѣздъ крылами,
И никогдабъ на сей невозвратился брегъ.

ЭЛЕГІЯ 22я.

О! дабы во адѣ мя сохранилъ еси, скрылъ же мя бы еси, дондеже престанетъ гнѣвъ твой Іов. Гл: 14 ст 13.

Кто дастъ убѣжище, кто дастъ, гдѣбъ мнѣ укрыться?
Кто въ тайныхъ дастъ мѣстахъ надежный мнѣ покровъ?
Чтобъ тамъ мнѣ просидѣть, какъ гнѣвъ твой разразиться.
Какъ пустишь молнію, иль громъ изъ облаковъ?
Сколь кратъ является сей огнь твой предъ глазами,
Столь кратъ ненахожу я мѣста подъ землей,
Я кроюся въ лѣсахъ густыми межъ древами,
Въ берлоги я бѣгу жилища гдѣ звѣрей.
Въ срединубъ скрылъ земли главу отъ пораженья,
Илибъ въ изъѣденныхъ волнами берегахъ.
Желалъ бы скрыться я въ пещеры и въ ущелья,
Или бы съ мертвыми вселился во гробахъ.
Не зрѣлъ бы никогда къ жилищу ясна феба,
Я жилъ бы покровенъ твоей, нощь мрачна, тьмой,
Какъ въ круги звѣздъ разитъ, разитъ творецъ въ кругъ неба.
Какъ мещетъ стрѣлы къ намъ онъ пламенной рукой.
Чтобъ громъ не поразилъ, сего кто въ насъ трепещетъ,
Тотъ на главу кладетъ лавровые вѣнки.

Но коль твоя рука во гнѣвѣ громы мещетъ,
То что тутъ пользуютъ толь слабые листки?
Не пользуютъ въ лѣсахъ древесъ густыя вѣти,
Всѣ чащи, мракъ, твоимъ отверсты суть очамъ!
Подъ вѣтвїемъ древесъ, чтобъ ты не могъ узрѣти,
Сокрылся нѣкогда нашъ Праотецъ Адамъ,
Адамъ вкусившїй плодъ отъ запрещенна древа,
Ходящаго тебя въ раю лишь ощутилъ,
Пришелъ въ стыдъ, обомлѣлъ, восгрепеталъ отъ гнѣва,
Его убѣжище, густой лѣсъ не закрылъ.
Полезныль бѣглецу пещеръ ужасны пасти?
Вертепы темные, жилища страшныхъ львовъ?
Во рву Пророкъ сидѣлъ со львами безъ напасти,
Но гробомъ послѣ сталъ Халдеямъ тотъ же ровъ.
И такъ не пользуютъ ни мрачные вертепы,
Ни гробы, ни лѣса, ни тѣни отъ древесъ.
Отъ гроба братъ тебя зоветъ, о! братъ свирѣпый!
Я дѣло вспомяну исполненно чудесъ:
Іона вергъ себя въ морскїя волны въ гнѣвѣ,
Но вергшагося тутъ не пожрала вода.
И хоть звѣрь поглотилъ Іону въ страшномъ зѣвѣ,
Но паки изблевалъ Іону безъ вреда.
Не можно на море кристально положиться.
Въ прозрачныхъ тамо все есть видимо струяхъ.
Въ затворенныхъ гробахъ ничто не можетъ скрыться,
Отверсты кости тамъ, и разлїянный прахъ.
Надежды твердой нѣтъ въ пещерахъ каменистыхъ,
Вертепы подъ землей глухой являетъ вой.
Ни въ рощахъ ни въ лѣсахъ покрова нѣтъ тѣнистыхъ.
Въ древахъ, листкахъ, въ тѣни лишь слабый мнѣ покой.
И небо и земля, и воздухъ съ круги звѣздны,
Небезопасны мнѣ, пещеры и лѣса,
Мѣста, что выше звѣздъ, и безконечной бездны,
Единъ ты, Боже мой! творящїй чудеса,
Единъ ты можеши въ твердыни безопасны,
Ты можеши сокрыть, спасти главу мою,

Когда престанешь метать громъ ужасный,
Какъ я изъ глубины къ тебѣ возопію.

ЭЛЕГІЯ 23я.

На ложи моемъ въ нощѣхъ искахъ егоже возлюби душа моя, искахъ его, и необрѣтохъ его. Пѣсн: пѣсн: Глава: 3, ст: 1.

Чистѣйши вздохи днесь мои пѣть будутъ музы,
Чистѣйшія души желанія моей.
Не возгласятъ онѣ тѣ брачные союзы,
Что ты межъ двухъ сердецъ сплетаешъ, Гименей!
Какъ въ тѣлѣ огнь, такъ огнь внутри душъ обитаетъ.
Но хуже пламень тотъ, что воскипитъ въ крови,
Единый пламенъ, что внутри души пылаетъ,
Единый чувство онъ даетъ прямой любви,
О! сколь чистѣйшія въ душахъ свѣщи возженны!
О! сколь вѣрнѣйши суть лобзанія сердецъ!
И руки въ чисты коль объятія сплетенны!
Чистѣйши персты коль сугубъ плетутъ вѣнецъ!
Хотя у сихъ сердецъ возглавія недмятся,
Хоть волной мягкою ихъ одръ невозгражденъ,
Хоть тотъ чертогъ, гдѣ два сердца соединится,
Преузорочными ковры, неиспещренъ.
Сей одръ постланъ, одръ двухъ сердецъ, любви обѣта.
Одръ сей есть мысль, полна веселія въ душахъ.
О! одръ, покой души! чертогъ небесна свѣта!
Ходатай ложей ты чистѣйшихъ въ небесахъ!
Чертоже жениха съ душей увеселеній!
Единъ достоинъ ты возжечь сіи свѣщи.
Чертогъ единъ моихъ обычныхъ размышленій!
Когда мысль томна мнѣ сна не даетъ въ нощи.
Се! мой женихъ, что былъ любви моей начало.
Се! возлежитъ! ахъ жаль! онъ внѣ души моей!

Тутъ сердце вдругъ во мнѣ безъ гласа возрыдало.
Мнѣ слезы тутъ однѣ всѣхъ были словъ сильнѣй.
Какаяжъ то была причина разлученья?
Боюсь, причина та чтобъ не была во мнѣ.
Я пробылъ больше дня противъ обыкновенья,
И ночи много ужъ я пробылъ дома внѣ.
Сіель причиной есть въ любви его премѣны?
Иль онъ сыскалъ въ другой душѣ себѣ покой?
Оставши въ жалобахъ часы мной провлеченны,
Оставшу ночь я всю провелъ одинъ съ тоской.
Уже луна была средь неба; путь протекши,
И томны очи ужъ сомкнулъ мнѣ сладкій сонъ.
И се! я слышу сквозь завѣсъ мнѣ гласъ изрекшій,
Востань! идетъ женихъ твой изъ чертога вонъ!
Встаю, и мрачный сонъ отъ глазъ я оттрясаю,
И локтемъ опершись едва держу главу.
Я опустѣвшій храмъ весь воплемъ наполняю.
Ты спишь ли, свѣте мой! я жалобно зову.
Но, ахъ! онъ не даетъ мнѣ на вопросъ отвѣту.
Ево ужъ нѣтъ, ушелъ изъ храма моего.
Я взявъ свѣчу нашелъ постель его раздѣту.
Ахъ! лучшебъ невидать мнѣ слѣда днесь сего!
Скажи мнѣ, одръ, куда взялъ мой женихъ дорогу?
Вѣщай невѣрный одръ, ты на мои слова!
Стеню, какъ безъ ума шатаясь по чертогу,
Какъ по мужѣ стенетъ оставшаясь вдова.
Какихъ тогда духъ мой наполненъ былъ смятеній?
Гдѣ прежде вѣрный одръ мнѣ подавалъ покой.
Восколебалась мысль отъ ужасныхъ волненій.
Безвѣстны вѣтры вдругъ корабль погнали мой.
Сколь духъ боролся тутъ съ безплодными песками,
Кой прежде орошалъ источникъ отъ небесъ.
Сколь трудно мнѣ уже мольбу принесть устами!
Я къ небу не могу возвесть моихъ очесъ.
Къ священну подвигу мнѣ силы оскудѣли.
Хоть трудъ сей прежде былъ забавой мнѣ одной,

Какъ вѣтры щастія меня пріятны грѣли,
Какъ мягки одръ въ нощи дышалъ мнѣ миръ златой.
Какъ воинъ кто младый, ярясь, на все дерзая,
Личь носитъ множество въ устахъ побѣдъ, похвалъ!
Такъ я главу врагамъ лютѣйшимъ подвергая,
Жизнь потерять свою за честь себѣ считалъ.
Сей огнь въ костяхъ въ мозгахъ, и въ жилахъ разливался,
Какъ одръ златой жаръ сильно умалялся.
Но какъ женихъ отшелъ давалъ мнѣ тысячи утѣхъ.
Мой духъ сталъ власно ледъ, что рѣкъ вспящаетъ бѣгъ.
Какъ лѣтомъ что раститъ зефиръ, пріятно вѣя,
Прекрасны розы вдругъ срываетъ тонкій мразъ.
И какъ питаему лампаду отъ елея,
Подувшій съ юга вѣтръ гаситъ въ единый часъ.
Ахъ! сколь я худо зналъ, искать тебя о! Боже!
Тебя на ложи я искалъ въ спокойномъ снѣ.
Но должнобъ мнѣ искать тебя на крестномъ ложѣ.
Тебѣ былъ тяжекъ крестъ, спокоенъ одръ былъ мнѣ.
Искать тебя мнѣ въ семъ чертогѣ надлежало.
Сколь многи, свѣте мой! я ночи препровелъ,
Въ исканьй препровелъ, но тщанье все пропало.
Искалъ, гдѣ не былъ ты, искалъ, и необрѣлъ.

ЭЛЕГІЯ 24я.

Востану и обыду во градѣ, и на торжищахъ, и на стогнахъ, и поищу, Его же возлюби душа моя, поискахъ Его и не обрѣтохъ Его, Пѣсн: пѣсн: Глава 3. Стихъ

Теперь проступокъ мой, хоть поздо, узнанъ мі
Коль лучше бы искалъ, тебя бы я обрѣлъ.
Я думалъ на одрѣ, обрѣсть среди покою,
Но видно одръ тебѣ къ спокойству недовлѣлъ.

И такъ покоитсяль мнѣ сей во время ночи!
Мнѣль безъ тебя пробыть еще въ глубокомъ снѣ?
Но, ахъ! я безъ тебя сомкнуть не въ силахъ очи.
Нѣтъ безъ тебя, о! свѣтъ! нигдѣ спокойства мнѣ.
Не усыпитъ меня вода прїятнѣйшимъ журчаньемъ,
Въ пещеры, въ долы, горъ съ вершинъ, съ камней катясъ.
Ни въ рощахъ древъ верхи отъ вѣтра колебаньемъ,
Ни птицъ въ тѣни лѣсовъ поющихъ нѣжный гласъ.
Ни сладкихъ пѣнїемъ своимъ парнасски музы.
Ни лиры нѣжной самъ родитель Аполлонъ.
Ни налагающъ макъ очамъ тѣснѣйши узы,
Тотъ макъ, чемъ Скранїя ты намащаешъ, сонъ!
Хоть очи, сонъ, тебя сомкнувшись призываютъ,
Приходитъ сонъ, но сонъ печаль прогонитъ прочь.
Глаза и грудь мои и ночи ужъ незнаютъ,
И за десять ночей одну щитаютъ ночь.
Тебя Морфей во снѣ являетъ мнѣ съ мечтою.
Твоя тѣнь отъ моихъ не убѣгаетъ глазъ.
Почтоже сонъ въ ночи желателенъ столь мною,
Коль не приходитъ онъ ко мнѣ ужъ ни на часъ?
Востану, потеку, пройду всѣ стогны града.
Куда иль умъ велитъ, иль случай, полечу.
Не уйдетъ уголокъ отъ моего тутъ взгляда,
Кто мнѣ милѣй души моей, тамъ поищу.
Всѣ хижины, хлѣвы, пространны переходы,
Всѣ улицы пройду, дороги всѣ стократъ,
Въ пещеры загляну, и погребовъ подъ своды,
Всѣ стогны обойду, не пропущу всѣхъ вратъ.
Какъ Магдалина, свѣтъ, тебя ища рыдала,
Когда на праздный гробъ воскресшаго текла,
Чрезъ камни, чрезъ бугры изъ града вонъ бѣжала,
Куда ее любовь съ печалїю влекла.
Вездѣ она была, вездѣ одна стеняща,
Была сопутницей съ другинями она.
Пришла на гробъ, и тамъ зря Ангела сѣдяща,
Вопросы Ангелу давала тутъ жена.

Такъ горлица гнѣздо узрѣвъ опустошенно,
Плачевнымъ голосомъ весь наполняетъ лѣсъ,
Летая вкругъ гнѣзда садится попремѣнно,
На вѣтяхъ то внизу, то на верху древесъ.
Вѣщаетъ, сѣтуя, знакомому тутъ стаду,
Что милыхъ чадъ ее лишилъ днесь хищникъ злой.
Такъ я прошелъ вездѣ, по стогнамъ всѣмъ, по граду,
Но, ахъ! кого искалъ нигдѣ несыскань мной.
Нещастныя мѣста, разпутья мной сотренны!
Прельщенье ногъ моихъ, прельщенїе очесъ!
Я мнилъ у васъ найти, искомаго прельщенный,
Но худо исканный необрѣтенъ по днесь.

ЭЛЕГIЯ 25я.

Обрѣтоша мя стрегущїй, обходяще воградѣ; видѣстели, Его же возлюби душа моя, мало егда прейдохъ отъ нихъ, дондеже обрѣтохъ, Его же возлюби душа моя, удержахъ его и не оставихъ его, Пѣсн: пѣсн: Глава 3. Стихъ 3.

Осталосьли хотя одно здѣсь мѣсто въ градѣ,
Иль часть одна моей непройдена ногой?
Всѣ улицы прошелъ возженной при лампадѣ,
Не приминулъ пути, ни стезьки ни одной.
Какихъ селенїй я не посѣтилъ въ печали?
Толикїй городъ мнѣ казался быти малъ.
Но что толики мнѣ труды мои снискали?
Коль я любезнаго искавъ, но несыскалъ.
И такъ въ слезахъ я въ домъ изъ града возвращался,
Никто, когобъ спросить, не повстрѣчался мнѣ,
И лишь къ вратамъ градскимъ, чтобъ выти, приближался,
Тутъ стражи при вратахъ стояли лишь однѣ.

Гдѣ мои любезный, гдѣ? спросилъ я ихъ со спѣхомъ,
Необрѣлиль ево? ево во градѣ нѣтъ
Они взглянувъ ко мнѣ съ коварнымъ только смѣхомъ,
Мнѣ дали шутками язвительный отвѣтъ.
И кто, сказалъ одинъ, любимый столь тобою?
Ты мнишъ, что льзя узнать безъ имени кого.
Простите я сказалъ, то здѣлалъ простотою.
Я мнилъ что знаютъ всѣ любезна моего,
Какъ знаютъ имя всѣ Ореста иль Пилада.
Иль имя какъ твое извѣстно всѣмъ Пирамъ!
Пусть незнакомъ, кого люблю, вамъ, стражи града!
Но скрылсяль, ктобъ ни былъ, то должно знати вамъ.
Не пробѣжалъ ли гдѣ любимый мною въ поле?
О! стража бодрая, молю тебя, скажи.
Онъ тотъ, кого люблю своей я жизни болѣ.
Онъ любитъ и меня милѣй своей души.
Онъ долго былъ, и гдѣ, скажите мнѣ нелесно?
Когда отшелъ? какой сказалъ итти стезей?
Въ сїюль страну, иль въ ту, на шуе иль надесно?
Одинъ ли былъ, иль сонмъ сопровождалъ друзей?
Но стражи колкимъ мнѣ лишь смѣхомъ отвѣчали.
Мнѣ рѣки потекли изъ глазъ тутъ горькихъ слезъ.
Я прочь пошелъ, моя погрязла мысль въ печали.
Узрѣть мнѣ милаго надежды лучь исчезъ.
Какъ сими мысляли въ тоскѣ я занимался,
И что желанїй всѣхъ я меньше ожидалъ,
Внезапу нискомъ любезный показался,
Я сколько коего во градѣ ни искалъ.
Обрадовался я, но сердцемъ содрогаюсь.
Не вѣрилъ я себѣ, мнилъ, не мечталь въ очахъ.
Тебя ли, свѣте мой, я вижду иль прельщаюсь.
Хотѣлъ сказать но гласъ пресѣкся во устахъ.
Какъ мужа вдругъ жена увидя предъ собою,
Умершимъ коего она по слуху чтитъ,
Приходитъ въ страхъ, такой поражена мечтаю.
Онъ говоритъ, она блѣднѣя прочь бѣжитъ.

Хотя же разсмотрѣвъ лице въ немъ осторожно,
Бросается къ нему въ объятія жена.
Однакъ дрожитъ еще, еще мнитъ быть то ложно.
Любовь есть вѣрити удобна и склонна.
Такъ я, какъ лишь свои отъ страха собралъ силы,
Такъ паки тутъ тебя разсматриваю я.
Надѣясь и сумнясь, и зря предметъ мнѣ милый,
Кричу я, ты ли, тыль, мой свѣтъ, иль тѣнь твоя?
Но, ахъ! не ты, не ты кого я обожаю.
Нѣтъ, ты ... почто сумнюсь? вотъ, ты! я не сумнюсь.
О! свѣте мой! о! жизнь! тебя, днесь созерцаю!
Се! вижу я тебя, Христе, необманусь.
Познавъ твой гласъ теперь, твои уста и очи,
Въ объятія теку, любезный мой, къ тебѣ!
Тебя держу, искать не буду дни и ночи,
Не буду ужъ стражей посмѣшищемъ толпѣ.
О! естьлибъ, свѣте мой, твоя мысль занималась,
Что долго были мы съ тобой разлучены!
О! естьли бы сія тѣмъ трата награждалась,
Чтобъ долѣ не были другъ друга лишены!
Но, ахъ! какъ худо ты платишъ за ту разлуку!
Лишъ только я тебя обрѣлъ, въ сію лишъ ночь,
Уже ты чувствуешъ неудовольство, скуку.
Ужъ рвешся отъ меня, бѣжишъ, бѣжишъ ты прочь?
Но я держу тебя, держу и неоставлю.
Не легко отъ меня себя освободишъ.
Старанія мои, любовь къ тебѣ пробавлю.
Своей любовью ты мою не побѣдишъ.

ЭЛЕГІЯ 26 я.

Изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися Имени Твоему. Псал: 141.

Я та, что въ небесахъ, превыше звѣздъ, денницы!
Въ свободѣ лишъ могла покоиться, гулять.

Се ! днесь внутрь тѣсной я заключена темницы !
Тѣснима , связана , едва могу дышать !
Увы ! лишъ только свѣтъ увидѣла я новый ,
Вдругъ въ тѣлѣ обрѣлась , какъ птица въ западнѣ.
Составы рукъ и ногъ мнѣ здѣлались оксвы ,
А жилы стали цѣпь , оградажъ кости мнѣ.
Почтожъ природой мнѣ даны сїи заклепы ?
Чтобъ гостью связану въ тюрьмѣ меня морить ?
Почто заключена , какъ раковина въ чрепы ?
Та , кою небеса лишъ могутъ удовлить.
Коль кратъ предпринято души постыдно бѣгство ?
Сколь разные къ тому испытаны пути ?
Извѣстно надъ собой Лукрецїи свирѣпство ,
Какъ Порцїя себѣ старалась смерть найти.
Но мнимую сїю душамъ утѣху плѣннымъ
Не начерталъ въ своемъ законѣ Божїй перстъ.
И рокъ свой предварять отрекъ намъ заключеннымъ.
Я вижу въ небеса душамъ всѣмъ входъ отверстъ.
О ! естьлибъ къ небу мнѣ хоть стезька появилась !
Несталабъ я роптать , что заперта тамъ дверь.
Пока душа отъ сихъ оковъ не свободилась ,
Не можетъ внити въ храмъ сїя небесна дщерь.
И воля плѣнная привыкши къ покоренью ,
Лежитъ , и вверхъ очей не можетъ возвести.
Ей узы тѣ претятъ благихъ къ вожделенью.
О ! свѣте мой ! приди , и плѣнну посѣти !
Прїйди , и узрищи мой домъ , мою темницу !
Твердыни ли тебя , заклепыль устрашатъ ?
Отверзи двери самъ , простеръ свою десницу !
Заклепы всѣ отъ сей руки не постоятъ.
Отверзи мѣдныя врата ты предъ собою !
Сїя являлась власть ужъ отъ твоей руки ,
Отверзлися врата и Ангельской рукою ,
Отверзлися врата , сокрушены замки.
Какъ спали съ рукъ и съ ногъ оковы , Петръ дивился.
Едва повѣрилъ Петръ отверзшимся вратамъ.

Къ отъятью узъ моихъ никто мнѣ не явился,
О! свѣте мой! блесни! врата отверзи Самъ!
Отверзи самъ сїю темницу скучну, темну!
Позволь мнѣ взяти путь оттуда въ небеса!
Иль хощеши меня вести въ трїумфѣ плѣнну!
Но отрицаютъ то твои же словеса.
О! мучениковъ ликъ! о! праведныхъ Соборы!
Васъ въ небо возвели пролитый потъ иль кровь!
Я простираю къ вамъ мои и гласъ и взоры.
Въ васъ вѣчная теперь лишь царствуетъ любовь!
Разруште вы врата и вереи желѣзны!
Гдѣ узы связана въ темницѣ содержусь,
Отверзите вы мнѣ врата свои небесны!
Да пренесясь туда въ ликъ вашъ я сопричтусь!

ЭЛЕГIЯ 27я.

Помяни, яко бренїе мя создалъ Еси, въ землю же паки возвращаеши мя. Iов: Глава 10. Стихъ 9.

Ужель забвенье есть въ васъ, жители небесны?
Отколь вамъ тѣ струи забвенья пролились?
Ужель вамъ наши здѣсь дѣянья неизвѣстны?
Ужель Летейскихъ водъ вы въ небѣ напились?
Забылъ ты, о! Творецъ! иль видъ сего являешъ?
Забылъ, что все рука создала здѣсь твоя!
Естьли забылъ, я вспомяну; а естьли твердо знаешъ.
Почто являешъ видъ, какъ бы не знаемъ я?
Создала изъ земли меня твоя десница.
Гдѣжъ, спросишъ, сотворенъ гдѣ первый человѣкъ,
Въ прекраснѣйшемъ саду, восходитъ гдѣ денница.
Гдѣ насажденъ былъ рай, между сребристыхъ рѣкъ.
Источникъ чистый гдѣ межъ злачными травами,
Развившись протекалъ въ четыре тамъ струи.

Но времяль хощешъ знать? когда земля брегами
Стѣсня моря, дала предѣлы имъ свои,
Тогда ты перстами земли прїявъ часть малу,
Сей тѣлу моему въ составъ ты далъ кусокъ.
Каковъ же мой конецъ? подобенъ онъ началу.
Какъ былъ я персть, земля, такъ буду пыль, песокъ,
Какъ глину мягкую скудельникъ лишъ находитъ.
Слѣпляетъ изъ нее стаканы и горшки,
Сперва онъ глину всю водой съ пескомъ разводитъ;
И заступомъ убивъ, дѣлитъ ее въ куски,
Потомъ на колесѣ вертитъ кусокъ сей глины.
Тутъ въ хитрыхъ вдругъ сосудъ раждается рукахъ.
Родясь же не живетъ онъ дня и половины,
Онъ превращается, разбившись, въ прежнїй прахъ.
Но твержели и мой составъ есть сей скудели?
Едина тѣнь моихъ конецъ поставитъ дней.
Почтожъ ты, время! лѣтъ моихъ не нудишъ къ цѣли?
Почто и быстрыхъ ты не гонишь коней?
Ахъ! скоро персть во мнѣ сама собою тлѣетъ?
Ахъ! жизнь моя ни кѣмъ не нудима течетъ!
О! естьлибъ такъ, какъ твердь стекляна въ небѣ рдѣетъ
Такъ членыбъ составлялъ мои кристальный ледъ!
О! естьлибъ были мы какъ звѣзды всѣ небесны.
Что изъ прозрачныхъ струй блестятъ сотворены,
Илибъ какъ Ангелы мы были безтѣлесны,
Въ раю живущи чемъ умы одарены,
Тогдабъ я Ангельскимъ прожить моиъ равны вѣки,
Прожить небесныхъ лѣтъ, и звѣздныхъ круги дней,
Но крѣпче нашихъ тѣлъ родятъ моря и рѣки,
Животныхъ тамъ тѣла покрыты чешуей,
Вы съ лучшимъ щастїемъ пернатые рожденны,
Что дали крылья вамъ прозрачные струи,
О! естьлибъ изъ камней составились мнѣ члены!
Металлы жилы всѣ скрѣпили бы мои!
Но что я дѣлаю? почто я порицаю
Начало моего рожденья и составъ?

Или что жалуюсь , и тонко испытаю ,
Что плоть мнѣ далЪ ТворецЪ , изЪ персти ту создавЪ?
И можетЪ ли когда чинити нареканья.
Художнику вЪ лице имЪ здѣланный сосудЪ ?
И можетЪ ли когда впреки безЪ отрицанья
ХудожникЪ , здѣлавЪ что , похулити свой трудЪ.

ЭЛЕГІЯ 28 я.

Окаяненъ азъ человѣкъ! кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея? Къ Римляномъ: Гл: 7.

Нещастный я ! я тѣхЪ благихЪ не обрѣтаю ,
О тратѣ коихЪ днесь столь плачу и грущу ,
Хоть тщетно плачу я , и слезы проливаю.
Я плачемЪ симЪ благихЪ себѣ не возвращу.
Сколь многая , и сколь великая благая !
Печаль мнѣ ихЪ велитЪ стократЪ воспомянуть
Хоть вредЪ себѣ несу , ихЪ трату воспоминая ,
Воспоминанья тѣ мою терзаютЪ грудь.
Полезнѣе забыть прешедши злоключенья.
Веть множитЪ прежняя томящу днесь напасть.
Всеобщи праотцу межЪ насЪ суть пореченья ,
Вездѣ винятЪ его кЪ грѣху прельщенну страсть.
Адама всѣ винятЪ плода вкушеньемЪ сЪ древа.
АдамЪ женолюбивЪ , одинЪ простякЪ АдамЪ ,
Но не щадятЪ жену, подвержена и Ева.
ТакимЪ же , какЪ и мужЪ , иль важнѣйшимЪ винамЪ.
Но мышлю я не такЪ. Коль вздохи мнѣ спокойно.
ПозволятЪ изрещи , сего не утаю ,
Что я всемірнаго грѣха вЪ винѣ достойно
Большою частію сЪ другими состою,
И ты, кто праотцевЪ винишЪ за преступленье ,
Не долженЪ самЪ имѣть вЪ забвеніи свой грѣхЪ ,

Когда и жизнь и смерть являлися въ сомнѣньѣ.
И ты сообщникомъ былъ праотца утѣхъ,
Потомки! верьте мнѣ, что вы съ Адамомъ были,
И съ Еввой яблоко превкуснымъ вы сочли!
Мы наги всѣ съ тѣхъ поръ, изъ кожъ одежды, сшили,
Мы стыдъ, печаль, къ себѣ гнѣвъ Божїй привлекли.
Но жаловатьсяль мнѣ на раны тѣ всемїрны,
Которыми весь родъ былъ смертныхъ пораженъ?
Къ унылу пѣнью есмь я самъ предметъ обширный
Я жизнь оплакивать начну съ моихъ пеленъ.
Тутъ слезы въ пеленахъ родилися со мною,
Тутъ слово, а, вопить наставило меня,
Былъ мѣсяцъ Май тогда, прїятнѣйшїй весною,
Но зимнїй онъ, съ моимъ нещастїемъ сравня.
День былъ седмый. Коль въ сей день жизнь мояб
скончалась.
Вопль жалобный бы мой на воздухѣ изчезлъ.
Какъ мать отъ бремени въ мученье разрѣшалась.
То плодъ былъ произшедшъ изъ Еввиныхъ я чреслъ.
О! мать! ты плакала, Реввека ставъ вторая,
По дѣвствѣ плакала ты, поздо ужъ крушась.
Отецъ бледнѣлъ стоя, и очи отвращая,
Упала колыбель на лѣво преклонясь.
Тутъ страхъ лишъ былъ на всѣхъ, былъ вопль едино-
гласный,
Для сколькихъ ахъ! дитя сїе родилось бѣдъ!
О! мрачный день! какъ мракъ въ Египтѣ былъ ужасный,
Се! человѣкъ въ сей день, рекли, родился въ свѣтъ!
О! день! тебя ни фебъ; ни Цинѳїя незнала.
Ни Янъ тебя не влекъ, что строитъ чинъ временъ.
Пусть въ грецїю идетъ, календовъ для начала,
Но въ мѣсяцъ ни одинъ да будетъ не включенъ!
И какъ придетъ, то пусть придетъ съ дождемъ и мракомъ!
И хладнымъ градомъ весь израненъ и покрытъ!
Пусть громъ и молнїя печальнымъ будутъ знакомъ,
Что злый сей день самъ Богъ такъ гонитъ и разитъ!

Я чувствую, что вы, друзья, мнѣ предвѣщали,
Се! въ жизни ни одинъ часъ не былъ ложный намъ!
Таковъ былъ плодъ въ сей день, таковъ былъ день печали!
И такъ съ сего дня мы привыкли всѣ къ слезамъ.
Съ тѣхъ поръ глаза мои ужъ не были отерты,
Съ тѣхъ поръ какъ дѣтску я одежду съ плечь сложилъ,
Прониски и крючки какъ были въ даръ пожерты,
Тутъ все, что лучше бы не знать, то я училъ.
Тутъ первымъ я трудомъ, заботой занимался,
Чтобъ мнѣ оплакивать мой жребїй возмощи.
И какъ возмогъ, то умъ мой часто противлялся,
Подъ иго не терпя природѣ дать плещи,
Я силился востать, мысль къ небу простирая,
Но тѣло съ грубыя не могъ поднять земли.
Лишъ очи во слезахъ утопши устремляя,
Я рекъ: о! Боже мой! но слезы потекли.
Я паки рекъ: увы! но паки чрезъ вздыханья
Печаль противилась, сама себя гоня.
О! Боже мой! внемли! гдѣ наши мудрованья?
Отъ тѣла смерти сей кто свободитъ меня?

ЭЛЕГІЯ 29я.

Увы мнѣ яко пришельствїе мое продолжися, вселихся въ селенїи Кидарскими, много пришельствова душа моя. Псал: 119.

Едвали фебъ, прїявъ узду въ свою десницу.
Едвали можетъ путь годищный протещи!
Я мню, что повредилъ свою онъ колесницу
Столь тихо кони мнѣ дни кажутся влещи,
Увы! уже моей дни жизни совершились!
Но жизнь оставить мнѣ не сказано судьбой,
Чтожъ вѣка моего столь нити продолжились?
Почто ты Лахезисъ, поставъ не кончишъ мой?

И что плѣняетъ насъ, какой предметъ пріятный,
Чтобъ жизнь здѣсь продолжать на суетной земли?
Что сей имѣетъ свѣтъ, свѣтъ скучный и превратный?
Какія бы къ нему насъ прелести влекли?
Смерть всякая не столь, какъ жизнь сія, сурова,
Коль можно жизнь сію симъ именемъ назвать.
Все движется, течетъ, и течь стремится снова,
Нѣтъ вещи, чтобъ могла не движима стоять.
День восходитъ освѣщенъ прекраснымъ Феба взоромъ!
Но какъ наступитъ ночь, изчезнетъ тусклый день.
Ночь провождаема блестящихъ звѣздъ соборомъ.
Но фебъ опять возшедъ ночну прогонитъ тѣнь
То полныя земля всѣмъ нѣдра отверзаетъ,
Когда ее живитъ пріятнѣйшій Зефиръ.
То паки оныя крѣпитъ и заключаетъ,
Какъ дхнетъ ей Аквилонъ дыханьемъ хладныхъ крылъ.
Тутъ мерзлымъ инеемъ и снѣгомъ покровенна,
Бѣлѣетъ, и вездѣ разсыплетъ блѣдный хладъ,
То въ ризу паки та зелену облеченна
Вессеннихъ тысячью роскошствуетъ отрадъ.
Се! подстилаетъ понтъ судамъ мягчайши воды,
Но заключаетъ ихъ въ заливахъ и въ губахъ,
То вѣтры на морѣ раждаютъ непогоды,
То строитъ тишину Ѳетида на водахъ.
Се! воздухъ влажныхъ весь дождей наполненъ тонетъ!
То небо ясное сіяетъ безъ дождей.
То паки все оно отъ страшныхъ громовъ стонетъ,
То паки тишина стоитъ на тверди всей,
Но что всѣхъ золъ есть зло ужаснѣе безъ мѣры,
Что должно жизнь вѣсти плачевну со звѣрьми,
Что домы человѣкъ суть, злыхъ звѣрей пещеры,
Что люди, хоть не суть, слывутъ однакъ людьми,
Коварство тамъ живетъ, ложъ съ хитростью вселилась,
Тамъ острый мечь законъ, насиліе уставъ,
Тамъ вѣра изгнана, Астрея удалилась,
Тамъ попраны лѣжатъ законъ и святость правъ,

Къ сему прибавь мѣста, и виды столь не сносны,
Гдѣ духъ не чувствуетъ веселья ни на часъ,
Гдѣ только духъ и жаръ пылаетъ бранноносный
И нѣтъ земли такой, гдѣбъ больше кровь лилась.
Жить должно средь враговъ, между мечьми, огнями,
Нести ружье рукой, влещи же плугъ другой.
Кто можетъ жизнь вести съ толикими бѣдами?
Всегда нещастіямъ, ударамъ быть метой?
О! я ужъ прожилъ вѣкъ; или я такъ лишъ мышлю.
Что дни мои поднесь къ кончинѣ не спѣшатъ?
Какъ сіи дни крушась, и времена я числю,
Правдиво жалобы ту медленность винятъ,
Какимъ забвеніемъ тѣхъ мысли ослѣпились,
Которымъ долгій вѣкъ есть всѣхъ желаній край?
Я мню, что въ жизни сей знать бѣдъ не научились,
Знать, что здѣсь мѣсто есть мученій, а не рай.
О! естьлибъ знали вы веселія небесны!
Отечествабъ сего лишиться не снесли!
Но здѣсь живущимъ тѣ блаженства не извѣстны,
И рѣдко съ неба вѣсть здѣсь слышатъ на земли.
О! сколь далеко ты, отечество намъ страннымъ!
О! сколько отъ небесъ, живу я удаленъ!
Тибуръ лишь дальній градъ былъ Римлянамъ изгнаннымъ,
А я въ послѣдній край здѣсь свѣта поселенъ.
Какъ класы шесть ужъ разъ пожаты будутъ въ поли,
Рабъ шапку получалъ свободы у Еврей,
Чтожъ я не свобожденъ жестокой изъ неволи?
Удара не даютъ въ знакъ вольности моей?
Почто къ отечеству, въ пристанища блаженны,
Въ жилища горнія, не пренесусь съ земли?
Оставя дальнія, жилища чужеземны;
Въ отечество лѣтятъ чрезъ море журавли.
Предвѣстница весны ужъ гнѣзда премѣняетъ,
Когда она къ брегамъ Бистонскимъ прилетитъ.
Отечественный градъ изгнанцевъ возвращаетъ,
Какъ щастье кончить имъ изгнанье поспѣшитъ.

Но , ахъ ! почто внѣ странъ я странствую желанныхъ?
Почто я воспященъ отъ оныхъ горнихъ мѣстъ ,
Отъ тѣхъ жилищъ, блаженствъ , Христомъ намъ обѣщанныхъ ?
Что недостигну царствъ, что выше солнца, звѣздъ?
О ! свѣте мой ! прервать медлѣнье преклонися !
Довольно въ сей странѣ я жилъ, и ей не льщусь.
Естьли я не могу и съ тѣломъ пренестися ,
То духомъ въ горняя къ тебѣ да пренесусь !

ЭЛЕГІЯ 30 я,

Мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть , полагати во господѣ упованіе мое, Псал: 72.

Сколь въ жизни я терпѣлъ премѣры коловратны !
Бросаемъ въ верхъ и въ низъ подобно былъ мячу.
Всѣхъ прежде подвиги , мнѣ нравилися ратны.
Я щастіе и честь приписывалъ мечу
То мой бодрило духъ , що лишъ прельщало очи ,
То цѣлію моихъ желаній быть я мнилъ.
Я часто въ пѣній провелъ должайши ночи.
Стоя на стражѣ всѣ я скуки преносилъ.
Открыты чрезъ меня враговъ коварны скопы,
Иль крикомъ иль трубой стократъ я знакъ давалъ !
Я рвами обводить былъ на ученъ окопы ,
Дороги сваями я преграждати зналъ.
Я зналъ, какъ въ строй полки на спѣхъ поставить къ бою,
Какъ крикомъ иль стрѣльбой трусливыхъ ободрять.
Я зналъ науку всю приличную Герою ,
Зналъ биться какъ салдатъ , какъ вождь повелѣвать.
Глава , лице и весь я потомъ обливался,
Какъ шелъ я утружденъ Ливійскіймъ по пескамъ.
Въ поту , въ жару , дыша весь пылью покрывался ,
Прохлады не видалъ запекшимся устамъ.

Сколь часто преплывалъ я рѣки между льдами.
Едва шлемъ на главѣ, ружье на плечахъ влекъ.
Сколь часто мечь я несъ въ устахъ, держа зубами,
Какъ вплавь чрезъ быстрины мы преходили рѣкъ.
Служилъ я много лѣтъ, сносилъ труды военны,
Въ пѣхотѣ былъ герой, герой и наконѣ.
Стрѣлами я имѣлъ всѣ лапы прораженны,
Пробитъ щитъ пулями, пробитъ и шлемъ на мнѣ,
Три раза подо мной, коню случилось пасти,
Три раза шлемъ съ моей главы копьемъ былъ збитъ.
На стрѣлы я лѣтелъ, на мечь, презря напасти,
Какъ отъ убивствъ враговъ вся кровь во мнѣ вскипитъ.
Но никогда я въ тылъ лишъ не былъ поражаемъ.
Лишъ всѣ удары стрѣлъ въ мою летѣли грудь.
Я твердо всїо стоялъ, ничемъ не воспящаемъ.
Стрѣлъ тучи не могли меня поколебнуть.
Моей рукой съ мечемъ повержены тѣлъ кучи.
По трупамъ тутъ враговъ убитыхъ я ходилъ,
Сей духъ, кой не могли сразить военны тучи,
Ктобъ думалъ, чтобъ свою войну не усмирилъ?
Но ахъ! какъ лавры я побѣдъ збиралъ съ поль ратныхъ,
Какъ поразилъ мечемъ я тысячи враговъ,
По полученїи вѣнковъ, похвалъ стократныхъ,
По поставленїи съ Трофеами столбовъ,
Одинъ проступокъ мой всю славу помрачаетъ.
Не видно тѣни ужъ моихъ похвалъ, побѣдъ,
Начальникъ строгїй мнѣ, мнѣ казнь провозглашаетъ,
Постыдну казнь, чтобъ я ходилъ разутъ, раздѣтъ.
Пропала слава, честь, сколь я объ нихъ ни тщился,
Пропала похвала желанна отъ войны.
Я лучшебъ за тебя, Христе вооружился!
Оружїябъ похвалъ не были лишены!
Въ тебѣ добро имѣть желанїй всѣхъ надежду!
Какъ якорь та судамъ, пристанище и брегъ.
Я въ храмѣ бранный мечь повѣсилъ и одѣжду.
Военную трубу на землю я повергъ.

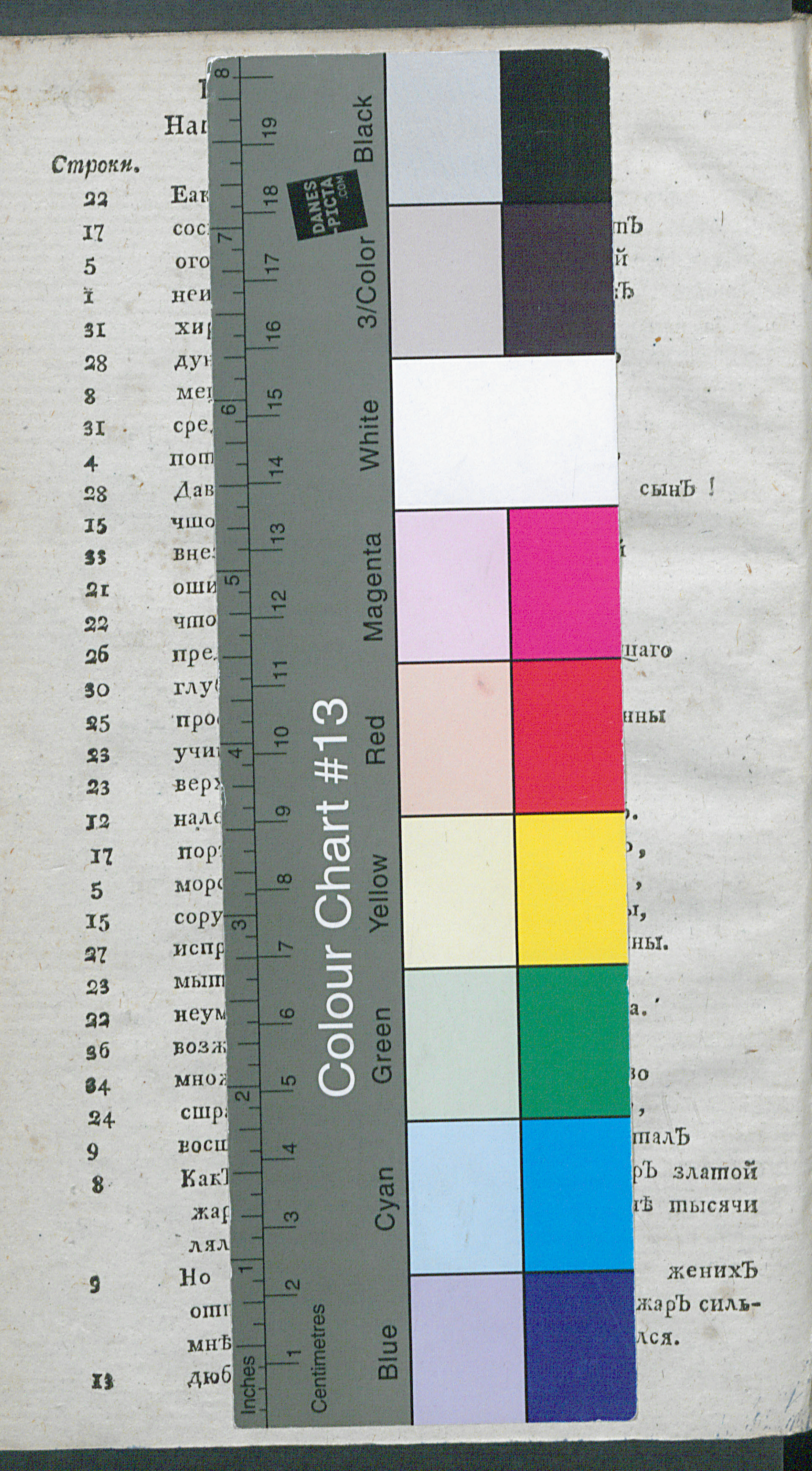
Вдругъ прибыли въ торгахъ желанье мнѣ напало,
Меркурїю служить лишь было на умѣ.
Товаровъ разныхъ ужъ накуплено не мало,
Коренья въ лавкахъ, винъ премножество въ корчмѣ.
Ужъ варварска мои суда достигли града,
Ужъ пристань при брегахъ товаровъ вся полна.
То щанїямъ моимъ великая награда,
Коль малая корысть въ сто кратъ приращена.
Збираемымъ сребромъ богатство умножалось,
Безмѣрныхъ тѣсный домъ сокровищъ не вмѣщалъ,
Изъ Індовъ судно къ намъ богато возвращалось,
Но нашихъ при брегахъ корабль и грузъ пропалъ.
Именїе въ долгахъ еще своимъ я числилъ.
Писанїй должниковъ въ томъ цѣлый пукъ храня.
Но даннаго платить никто ужъ мнѣ не мыслилъ,
Словамъ своимъ и мнѣ коварно измѣня.
Какъ соль, вода въ ней пущенну разводитъ,
Соль въ ней ссѣдается, но таетъ какъ вода,
Богатство такъ течетъ, и хоть съ трудомъ приходитъ,
Но вдругъ теряется, уходитъ безъ труда.
Блаженъ тотъ человѣкъ, и дни того спокойны,
Богатствъ кто не желалъ, войны не заводилъ,
Богатства! вы трудовъ моихъ сколь не достойны!
Корыстью вашей я покоя не купилъ!
Чтожъ мнѣ начать? вотще труды мои безмѣрны!
Марсъ удержалъ мнѣ честь, заслугъ единый плодъ.
Меркурїй оказалъ услуги мнѣ невѣрны.
Я въ царскїй дворъ сыскалъ не знаемый мнѣ входъ.
Доходятъ до царя о мнѣ похвальны вѣсти.
Всѣ именемъ зовутъ, кидаютъ съ лаской взоръ.
Бесѣдовать сомной удостоютъ чести,
Царь милостиво самъ вступаетъ въ разговоръ.
Незнаю я тому довольной самъ причины,
Что любитъ царь меня, бесѣдуетъ со мной,
Не знаю я своей заслуги ни едины,
А паче дѣло есть случайности одной.

Но жребїй, иль моя заслуга то снискала,
Ошибкаль царская въ достоинствѣ моемъ,
Что скоро такъ его любовь ко мнѣ вспылала.
Мы часто ночь, сидя, соединяли съ днемъ.
День сокращали намъ не чувственно бесѣды.
Игра намъ двумъ была забавой въ тишинѣ.
Когда случалося быть званнымъ на обѣды.
Мы веселились тутъ лишъ за столомъ однѣ.
Ѣъ толикой не былъ Клитъ любви у Александра,
Ни въ милости Сеянъ при Римскомъ былъ дворѣ.
Коммодъ не почиталъ такъ своего Клеандра.
Авлавїй не толикъ при вѣрномъ былъ царѣ.
Я новымъ щастьемъ самъ довольно любовался.
Щастливцемъ что у всѣхъ, сколь лестно, назывался.
Весь дворъ лишъ обомнѣ, весь городъ говоритъ,
Что у царя я то снискалъ благоволенье.
Но! ахъ! сколь всяка власть слаба, сколь силенъ рокъ,
Разрушится, падетъ, въ едино власть мгновенье!
Лишъ малый на нее подуетъ вѣтерокъ.
Вотъ! царь ужъ сталъ кидать ко мнѣ суровы взгляды!
Ненедостакъ силъ моихъ или услугъ,
Причиной для меня толикой былъ утраты.
Се! царская любовь въ гнѣвъ превратилась вдругъ!
Велятъ мнѣ какъ врагу отечество оставить.
Умножитъ повѣсти днесь повѣсть дѣлъ моихъ.
Причиной буду я пѣвцамъ себя прославить,
Какъ станутъ воспѣвать о мнѣ плачевный стихъ.
Евтропїй, Стиликонъ, предстаньте предо мною!
Авлавїй, и Сеянъ! о! Клитъ, еще ты живъ!
Вы точны образцы мнѣ вашею судьбою!
Какъ вы, такъ я равно по щастьѣ не щастливъ.
О! Боже! сколь тотъ жизнь щастливу провождаетъ,
О! сколь того на вѣкъ блаженна, лестна, часть!
Кто на тебя свою надежду возлагаетъ,
Желанья предаетъ свои тебѣ во власть!

КОНЕЦЪ.

Погрѣшности.

Строки.	Напечатано.	Стран.	Читай.
22	Еакъ	1	Какъ
17	составляешь	4	составляетъ
5	огорченный.	6	огорченный
1	неимѣетъ	7	не имѣютъ
31	хиронъ.	-	Хиронъ,
28	дуновенью.	9	дуновенью
8	мещетъ	10	мещешь
31	средъ	21	средь
4	попочетъ	13	попечетъ
28	Давидовъ сынъ ?	13	Давидовъ сынъ !
15	чшобъ	14	чтобъ
33	внезапный	14	внезапный
21	ошибшпсь	-	ошибшись
22	что ен	19	чтобъ ей
26	предбуущаго	20	предбудущаго
30	глубый	20	глупой
25	прославлены	23	прославленны
23	учить	26	учитъ
23	верхъ	28	вверхъ
12	належитъ	29	належитъ.
17	порѣваетъ	29	порѣваемъ,
5	морскихъ	31	морскихъ ,
15	сооруженный,	33	сооруженны,
27	испрещренны.	88	испещренны.
23	мыть,	36	мышь ,
22	неумерла	41	не умерла.
36	возжена	41	возжена.
34	множесшво	43	множество
24	странахъ,	47	странахъ,
9	вострепешалъ	50	вострепеталъ
8	Какъ одръ златой жаръ сильно умалялся.		Какъ одръ златой давалъ мнѣ тысячи утѣхъ.
9	Но какъ женихъ ошшелъ давалъ мнѣ тысячи утѣхъ.		Но какъ женихъ ошшелъ, жаръ сильно умалялся.
13	дюбимый	56	любимый



Нa…

Строки.

22 Еак…
17 сос… …тЪ
5 ого… …й
1 неи… …Ъ
31 хи…
28 ду…
8 ме…
31 сре…
4 пош…
28 Дав… сынЪ !
15 чшо…
33 вне… …й
21 оши…
22 чшо…
26 пре… …щаго
30 глу…
25 про… …нны
23 учи…
23 вер…
12 нал… …ъ.
17 пор… …ъ,
5 мор… …,
15 сору… …ы,
27 испр… …нны.
23 мыш…
22 неум… …а.
26 возж…
34 мно… …во
24 спр… …,
9 восп… …палЪ
8 КакЪ… …рЪ златой
жар… …нЪ тысячи
лял…
9 Но … женихЪ
опп… …жарЪ силь-
мнЪ… …лся.
13 дюб…

№ 44